

АЛЕКСАНДР СТАРШИНОВ

ЗАВЕЩАНИЕ
ИМПЕРАТОРА

Легионер

Александр Старшинов
Завещание императора

«Автор»

2012

Старшинов А.

Завещание императора / А. Старшинов — «Автор»,
2012 — (Легионер)

ISBN 978-5-271-45401-1

Дакия разгромлена. Римский император Траян – победитель. Его центурион Гай Приск вернул себе имущество отца и звание римского всадника. Он женат и счастлив. Его друзья-соратники из славного контуберния Пятого Македонского легиона тоже в порядке. Тиресий – центурион в Дакии, Кука – преторианец... Но мирная жизнь – не в традициях последнего римского императора-завоевателя Траяна. Грядет новая война. С Парфией. И никто из славных ветеранов «римской военной разведки» не должен остаться в стороне. Да здравствует Империя!

ISBN 978-5-271-45401-1

© Старшинов А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Книга I	5
Часть I	5
Глава I	5
Глава II	17
Глава III	30
Глава IV	46
Глава V	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Старшинов

Завещание императора

Книга I

ДОРОГА В СИРИЮ

Часть I

ФОРУМ ТРАЯНА

Глава I

УБИЙСТВО НА ФОРУМЕ

Лето 866 года от основания Рима¹

Рим

Женщина и юноша лет восемнадцати в белой тоге гражданина остановились у выгнутой стены Форума с триумфальной аркой посередине. Подросток, запрокинув голову, разглядывал колесницу наверху: бронзовый позолоченный Траян правил шестеркой сверкающих на солнце коней.

Насмотревшись, юноша вопросительно взглянул на женщину. Та кивнула и указала рукой на вход. Облаченная в длинную цветную тогу, едва приоткрывающую изящные сандалии, закутанная в легкий шарф-паллу, женщина двигалась слишком быстро и резко, без положенной матроне степенности. Украшений она почти не носила – только маленькие золотые сережки да еще браслет на запястье. Женщину сопровождал вольноотпущенник, немолодой, но еще крепкий мужчина. На улице он шел впереди госпожи, прокладывая дорогу в толпе, сейчас же остановился поодаль. На Форум он заходить не будет.

– Ты готов, Марк? – спросила женщина.

– Это всего лишь разговор... – Юноша волновался, хотя всеми силами пытался это скрыть. На щеках его рдел румянец, он то и дело отирал пот – день был жаркий, а шерстяная тога хороша только в прохладную погоду.

– Как только сладим дела – зайдем в таверну поесть, а потом – в термы Траяна.

– Я с тобой в термы не пойду! – гневно воскликнул юноша, покраснел еще больше и отвернулся.

– Послушай, Марк...

– Иди сама! – отрезал тот. – Что ты все время за мной ходишь? Я уже не маленький! Недаром отец говорит: «Мевия, он уже мужчина!» Муж-чи-на, – повторил Марк отдельно.

Мевия пожала плечами, снисходительно фыркнула. Стоящие у входа на Форум преторианцы даже не повернули голов. Как и положено преторианцам в Риме, они были в тогах, но носили их так, как когда-то Деций повязал, ринувшись в смертельный водоворот битвы, – ткань не мешала движениям, и гвардейцы в любой момент могли взяться за мечи.

– Хорошо... – процедила сквозь зубы Мевия. – В термы не пойдем. Может, ты и с Гаем Приском раздумал встречаться?

– С ним встречусь, – буркнул Марк.

¹ Лето 113 года н. э.

Они вошли. За аркой открылась громадная, похожая на снежное поле площадь², вымощенная белыми и голубоватыми плитами мрамора. Со всех сторон ее обрамляли портики, будто солдаты в идеальных шеренгах. Колонны, колонны, колонны... Прекрасный цветной мрамор с тончайшими пурпурными прожилками, привезенный из Фригии, венчали капители из белого мрамора. Наверху, меж колонн, выстроились статуи побежденных даков в длинных одеяниях и плащах. Мраморные варвары походили друг на друга как братья: характерные, выдающиеся вперед лбы, волосы, распущенные по плечам, бороды. Некоторые статуи были выполнены так искусно, что казалось – ветер колеблет непокорные кудри.

Вот бы довелось Платону увидеть это творение Аполлодора из Дамаска! Философ бы наверняка пришел в восторг – идея власти в ее чистом виде воцарилась здесь, в центре этой площади, под дланью золотого Траяна. Властью дышала каждая плита Форума, каждая статуя и каждая колонна. И если старый Римский Форум, поначалу всего лишь базарная площадь, оставался открыт растущему миру, вбирая в узкие ладони мраморных базилик все капли, ручьи и реки общественной жизни, то в нынешнем, со дня своего рождения огражденном высокими стенами, пребывала сила, влюбленная в самое себя. Несокрушимая сила. Или почти несокрушимая. Ведь боги властны разрушить всё, если захотят.

– Нам туда... – Женщина тронула Марка за плечо, указывая вперед.

Юноша дернулся, сбрасывая ее руку. Но пошел, куда ему указали – по снежно-мраморному полю площади к базилике Ульпия. Крышу базилики украшали позолоченная квадрига богини Победы и по бокам – две такие же сверкающие золотом упряжки-биги³. По фасаду выстроились ряды колонн из серого египетского гранита, часть из них тоже щедро позолотили. Во всем Форуме чувствовалась такая грандиозность, такая избыточность, что невольно холодок бежал вдоль спины, ведь никто и никогда – в этом был уверен каждый, идущий по белому каменному полю, – не создаст ничего прекраснее, ничего величественнее, ничего роскошнее.

В центре площади возвышался на коне Траян из позолоченной бронзы. Статуя так сияла на солнце, что слепила глаза.

– Золото даков, – пробормотала женщина и коснулась браслета на запястье.

Браслет был золотой – изящной греческой работы, – но выполнен по варварскому заказу: в узор олени и волки, переплетаясь телами, бились за ускользящую жизнь.

Юноша и женщина обогнули статую императора-победителя и вошли в боковой портик. Здесь полы были выложены узором из белого и желтого мрамора. Широкая галерея дарила прохладную тень даже в слепящий римский полдень.

В портике их ждали: мужчина лет тридцати пяти в тоге, украшенной тонкими полосами пурпурной ткани. Такую положено носить римлянину из сословия всадников. Мужчина был черноволос, гладко выбрит, невысок ростом и не слишком широк в плечах, но слабаком или дохляком его назвать не посмел бы никто, хотя под складками тоги трудно разглядеть фигуру. Просто в нем, как и в этом Форуме, чувствовалась сила. К тому же юноша сразу заметил, что на запястьях мужчина носит наградные браслеты – при всей многочисленности даров, коими осыпал Траян центурионов и простых легионеров, такие браслеты считались большой редкостью.

«Наверняка каждый день тренируется, весь в отца», – подумала женщина, глядя на мужчину, и невольно улыбнулась.

– Приветствую тебя, Гай Осторий Приск. – Женщина наклонила голову.

– И я тебя, Мевия. – Голос у мужчины был низкий, с хрипотцой, таким хорошо отдавать команды – сразу послушаются. Так во всяком случае подумал Марк.

Приск вопросительно взглянул на юношу.

– Марк Афраний Декстр, – назвала Мевия своего спутника.

² Размер площади центральной части Форума Траяна – 300 на 190 метров.

³ Бига – упряжка пары лошадей, в отличие от квадриги – четверки.

– Я служил с твоим отцом, Декстр, – сказал всадник. Но почему-то не улыбнулся при этом, а нахмурился. Надо полагать, воспоминания о службе не слишком веселили.

– Да, отец рассказывал... – Юноша наклонил упрямую голову.

В этот момент Приск вопросительно глянул на женщину. Та ответила одними губами едва слышно: «Потом».

– Кстати, на этой статуе я изображен собственной персоной в виде центуриона, – заговорил Приск немного театрально и указал на мраморную статую, подле которой стоял. Ярко выкрашенный красным поперечный гребень, такой же яркий плащ. Тщательно проработанная в мраморе лорика⁴ центуриона с набором наградных фалер⁵ сверкала серебром, поножи сделаны под металл, даже высокие башмаки центуриона, и те тщательно подмазаны коричневой краской под кожу.

– Не похож, – заметила Мевия.

– Да уж, я мраморный куда выше ростом. Видишь у ног моих маленькую крепость на красной скале? – Приск протянул руку и погладил крошечную дакийскую крепость. Основание ее в самом деле было сделано красным. – Крепость тоже не очень-то походит на настоящую. Здешние мастера-греки изображают все укрепления на свой манер – нечто среднее между греческими и римскими кастеллами. Дакийские орлиные гнезда они в глаза не видели.

– А скала в самом деле была красной? – спросил юный Декстр.

– Да, как будто кровь сочилась из камней. И подняться на эту гору можно было лишь по единственному склону – чтобы взобраться по трем другим, человеку потребны крылья. Во время штурма я бился с даками, стоя с легатом Адрианом спина к спине. За это меня и наградили... Эти браслеты, которые я ношу, император вручил мне за Красную скалу.

– А я-то думала... – начала Мевия.

– Нет... – оборвал ее Приск. – Там были другие награды.

– А Декстра здесь нет? Ну, среди статуй? – спросил юноша, вертя головой.

– Нет, – отрицательно покачал головой всадник.

– Это почему?

– Он не брал крепостей, – уклончиво объяснил бывший центурион.

– Приск любезно обещал показать нам Форум, и прежде всего – колонну, – сказала Мевия Марку. – Ее только-только посвятили.

– В прошлом году отец был приглашен на церемонию вступления императора в консулы, – сообщил юноша. – Сюда, в базилику Ульпия.

– Я тоже присутствовал, – не без гордости напомнил Приск.

С Мевией и ее мужем Приск сталкивался не так уж редко – на улицах или в амфитеатре Тита. Да и трудно было не столкнуться, если три года подряд Город упивался победой над Дакией и буквально сходил с ума от бесконечных пиршеств и игр. Впрочем, первые игры, которые устроил Адриан по поручению императора, смотрелись весьма скромно – их никак нельзя было сравнить с теми, что давались в третий год после победы. Фактически празднество заняло целый год – исключались только дни, предназначенные для судебных разбирательств или иных государственных праздников. Одиннадцать тысяч зверей – диких или прирученных, бились с бестиариями⁶ на арене амфитеатра Флавиев. Марк часто ходил на утренние представления, когда венаторы⁷ не убивали зверей, а показывали акробатические трюки – быки и слоны танцевали, обезьяны разъезжали верхом на лошадях. Особенно обожал он и потешные сражения – венаторы перепрыгивали с помощью шестов через головы тигров и львов, ловко ускользали от

⁴ Лорика – панцирь. У легионера лорика из стальных полос, у центуриона – обычно чешуйчатая.

⁵ Фалера – наградная бляха, обычно их выдавали и носили комплектом – по пять или семь, соединенные ремнями.

⁶ Бестиарий – гладиатор, который сражается с дикими животными в ближнем бою.

⁷ Венатор – «охотник» на арене, который не сражается с животными в ближнем бою, а показывает трюки, что-то вроде современного дрессировщика. Эти представления составляли часть утренних представлений.

страшных зверей и прятались от них в плетеных корзинах. Зверь вертел корзину лапой, рычал, но достать человека не мог. Другой венатор умудрялся всякий раз ловко ускользнуть ото льва, укрывшись за вертящейся деревянной дверью. Марк хохотал до упаду и кричал до хрипоты.

Вечером бывали представления совсем иные: десять тысяч пар гладиаторов принимали участие в играх. Марк в первый же раз угодил на какую-то дикую бойню, и его едва не стошнило. Свой тайный позор он до сих пор позабыть не мог.

А Рим будто обезумел. Если не было боев гладиаторов, то зеваки бегали на Форум собирать сплетни и глазеть на иностранных послов, что наводнили Рим, на их диковинные варварские одежды, а за посланцами из далекой Индии следовали целой процессией. Но празднества наконец отшумели, и, кажется, именно тогда Траян обнаружил, что денег из казны было затрачено куда более, чем подсказывало благоразумие.

Сам Приск не слишком часто посещал амфитеатр – как участник недавней войны он посмотрелся на кровь и смерть предостаточно. К тому же он не любил оставаться наблюдателем, пассивно вкушающим то, что преподносят другие. Предпочитал действовать – и посему зрелище со стороны казалось ему при всей своей кровавой страсти скучным.

Да, с Мевией Приск сталкивался, но она ни разу не обмолвилась о том, что у них с Декстром есть взрослый сын – юноша уже снял детские одежды и надел тогу гражданина.

«Сколько мальчику лет? Восемнадцать? Семнадцать? Но в то время Декстр служил центурионом в Пятом Македонском. Как он мог встретиться с Мевией? Когда? И где? Или это сын только Афрания?»

* * *

Так и не придумав ни одной правдоподобной версии, Приск сделал приглашающий жест и вошел вместе со своими спутниками в базилику. Судебное заседание, единственное в этот день, уже закончилось, и служители только-только начали посыпать полы опилками, скрывая геометрический узор из пурпурно-белого и золотистого мрамора. Но Марк не смотрел себе под ноги. Как зачарованный, он задирает голову вверх, стараясь разглядеть в высоте кессонный потолок и колоннады: центрального нефа – из серого гранита, в боковых рядах – из белоснежного каристийского мрамора. Базилика поражала своими размерами – потолок был так высок, что невольно напрашивалась мысль о горах. Или о богах...

– Сюда, – сказал Приск.

Его, казалось, нисколько не поражали грандиозные размеры базилики, все эти фризы, барельефы и восьмифутовая статуя императора, установленная в апсиде ⁸.

По отделанной мрамором лестнице Приск и его спутники поднялись наверх – в библиотеку ⁹. Впрочем, гости явились сюда не за свитками – их интересовала галерея, окружавшая внутренний двор. В центре него возвышалась колонна. Она поднималась над базиликой и уходила мраморным деревом в небо – его ярко-синий квадрат служил фоном для золотой статуи Траяна на вершине колонны.

Колонна.

Она завораживала.

Юноша тут же рванулся к перилам, оперся на отполированный мрамор, разглядывая цветной пестрый фриз. В непрерывном марше всё вверх и вверх шагали сотни, тысячи легионеров, строили крепости, переправлялись вброд, сражались с варварами, защищали свои кастеллы и штурмовали орлиные гнезда даков. Вот красный плащ-палудаментум Траяна, вот

⁸ Апсида – выступ здания, в данном случае полукруглый, перекрытый сводом.

⁹ На Форуме Траяна было две библиотеки – латинская и греческая.

его гнедой конь, вот блестит на солнце бронзовый гладиус, вложенный в руку идущему в атаку легионеру, и отражает солнечные лучи поднятый навстречу страшный дакийский фалькс¹⁰.

Оглядываясь назад, Приск мог сказать, что на войне с даками прошла вся его молодость. На данубийском лимесе¹¹ нашел он преданных друзей и верную любовь. Восемь мальчишек прибыли когда-то в лагерь Пятого Македонского легиона. Лишь пятеро из контирионов¹² остались в живых на сегодняшний день. Пришли новые. В разговоре друг с другом они всегда называли себя «славный контуберний»¹³, друг друга – контуберналы, хотя с тех пор двое – Приск и Тиресий – сделались центурионами, а Кука перевелся в преторианцы. Где-то на Данубийском лимесе служил Молчун – но о нем друзья ничего не ведали. Малыш сделался фабром¹⁴ и общался в основном с баллистами и катапультами. Наверняка в будущем Малыш видел себя префектом фабров.

Тем временем юный Декстр медленно смещался вдоль балюстрады, и все новые и новые сцены, украшавшие фриз, открывались его взору. Грандиозное действо. Война представлялась на колонне непрерывным тяжким трудом и одновременно – торжественным маршем. Декстр даже не замечал, что еще два десятка людей точно так же обходят балюстраду по периметру.

– Погляди на эти машины у стен Сармизегетызы! – указал Приск на один из барельефов. – Это механизмы Филона, которые сумели поджечь каменную стену. Траян приказал изобразить только фрагменты машин – чтобы, глядя на барельеф, никто не мог понять, как они действуют. А вон... – Приск махнул рукой вверх. – Там есть барельеф по моему рисунку.

Декстр задрал голову.

Он почему-то сразу понял, о каком рисунке говорит бывший центурион.

Старик-дак, державший на коленях сына, отирал слезы плащом.

– Я нарисовал этого человека в Сармизегетусе, сразу, как только мы вошли в город, – добавил Приск. – Потом все мои рисунки забрал Аполлодор. Только у меня на рисунке дак отирал слезы туникой сына. Потом один из скульпторов-греков сделал эту фигурку по моему рисунку.

Эта сцена в камне смутила юношу, он мотнул головой, отвернулся, сделал еще несколько шагов.

– А это? – спросила Мевия, разглядывая другой барельеф.

– Даки принимают яд перед падением своей столицы Сармизегетызы, поят в первую очередь детей, потом женщин... – Приск помрачнел.

Юный Декстр двинулся дальше.

– А это? – Его заинтересовал легионер, стоявший подле мула. В раскрытой сумке сверкали позолотой трофейные чаши.

– Это золото. Тайный клад Децебала. Там было столько сокровищ, что их возили день и ночь. День и ночь... – Приск почему-то опять нахмурился.

– А с мешком – это кто? – Юный Декстр все задирает голову, пытаясь рассмотреть лицо легионера.

– Похож на Фламму, – усмехнулся Приск. – Что и неудивительно: он тут дневал и ночевал на стройке Форума, и особенно колонны. Трудно было не попасть на барельеф.

– В той яме еще что-то осталось? – У юного Декстра загорелись глаза.

¹⁰ Фалькс – дакийский меч, дословно – коса. Меч с кривым клинком, заточенным с внутренней стороны.

¹¹ Лимес – граница.

¹² Контарионы – солдаты одного призыва. В римской армии контарионы, случалось, поддерживали дружбу всю жизнь, вместе выходили в почетную отставку, вместе селились в каком-нибудь провинциальном городке.

¹³ Контуберний – отряд из восьми человек.

¹⁴ Фабр – ремесленник, занимался работами по техническому оснащению легиона, в том числе и «артиллерией». Возглавлял их в легионе префект.

– Золото? В пещере под рекой? Нет. Но наверняка даки закопали еще немало сокровищ в укромных местах. Солдаты потом находили клады в самой Сармизегетусе – обычно прямо у крыльца под ступенями, так что легионеры там всю землю перекопали. Но и сама Дакия – настоящий клад. Теперь по реке Марис все летние месяцы плывут в Виминаций корабли с золотом и солью.

– А у парфян, у них много золота?

– У парфян? Не считал. Царь парфянский давненько не присылал мне отчет о содержимом своей казны, – попробовал отшутиться Приск.

– А я слышал, что много! – с жаром воскликнул юноша.

– Мешок с добычей тяжел, лишь пока тащишь его в общую кучу, – заметил Приск. – А когда получаешь долю из казны – она умещается в маленьком кошелье. Поверь, твоя добыча исчезнет в тавернах Антиохии, и в Рим ты вернешься с парой медяков. Разбогатеют ликсы, снабжающие легионы; ростовщики, что дают императору и знати в долг, финансируя грядущую кампанию.

– Ну, может, ты и не получил ничего... А вот я найду столько золота, что нагужу огромный корабль, – объявил юный Декстр без тени сомнения.

– Все говорят о новой войне. – Мевия попыталась направить разговор в иное русло. – Даже мой муж, поначалу решивший остаться в Риме, возвращается в армию центурионом. А уж как Марк хочет повоевать! Я слышала... – Женщина сделала паузу. – Я слышала, ты отправляешься на войну военным трибуном, Гай.

– Да, всего лишь военным трибуном. А планировал стать легатом, командовать легионом... Увы... – Приск рассмеялся, пытаясь превратить сказанное в шутку.

– Военный трибун – это тоже здорово. Твой отец был военным трибуном, не забывай. Сейчас он бы тобой гордился. Ты возьмешь Марка к себе в легион? Но не простым солдатом...

– Я хочу легионером! – перебил Мевию Марк. – Только легионером, и никаких поблажек.

– Погляди, там внизу есть барельеф битвы при Тапае, – сказал Приск. – Я был тогда тяжело ранен – Он тронул левое плечо, прикрытое тканью тоги. – Поначалу думал, больше не смогу двигать этой рукой. Страшная битва, мой мальчик...

Декстр последних слов не слышал – бежал вниз, чтобы с нижней галереи библиотеки рассмотреть основание колонны.

– Сын Афрания? – спросил Приск, провожая мальчишку глазами. – И...

– По усыновлению, – уточнила Мевия.

– Он похож... – Приск не закончил, не стал говорить вслух, кого именно напомнил ему мальчишка.

– По крови он – твой брат по отцу, – шепнула Мевия.

– Мой брат? Но...

– Никто не знал. Даже твой отец погиб прежде, чем я ему сказала. Марка сразу после рождения взяла к себе приемная семья. Много лет он носил на шее вместе с буллой кусочек монеты. А я – вторую ее половинку. Я выкупила его у опекунов, предъявив монету. Потом Декстр Марка усыновил.

– Да, он совершенно не похож на приемного отца – тот светлоглазый и беловолосый. – Приск хотел было добавить: надеюсь, не похож и нравом, но сдержался.

– Мой второй сын беловолос.

– Ты и его хочешь пристроить в мою свиту?! – с притворным ужасом воскликнул Приск.

– Двухлетнего-то? – Оба рассмеялись.

– Так ты возьмешь Марка к себе? Не хочу, чтобы мальчик начинал службу простым легионером – он образован, умен, вполне может сопровождать военного трибуна в качестве секретаря или адъютанта ¹⁵, а потом перейти в штаб легата.

– Так он не научится воевать.

– Уверена, рядом с тобой он постигнет любую науку.

– Ты умеешь убеждать. И побеждать...

– К сожалению, не всегда... – Мевия грустно улыбнулась.

– Хорошо. Но учти – мальчишке никаких поблажек. Наоборот – буду требовать с него вдвое.

– Втрое... – Мевия обернулась к колонне. – Траяна повсюду на барельефах сделали выше других ростом.

И подле него Адриан... Это что-то да значит? – Она многозначительно умолкла.

– Получил ли скульптур нарочно такое указание? – уточнил Приск. – Думаю, получил. Поскольку по своей воле Аполлодор не стал бы изображать Адриана вообще. Они друг друга терпеть не могут.

– Ты поедешь к нему в Сирию?

– К Адриану?

– Конечно, к Адриану! Скульптор Аполлодор все еще здесь, в Риме!

– Сейчас – вряд ли. Если я и должен отправиться – то вместе с императором. Кстати, Плиний звал меня к себе. Видимо, заскучал в своей Вифинии. Служба наместника однообразна и утомительна – укрощать воров и варваров. И не поймешь – что хуже и кто опаснее.

– И что ты там должен делать – у Плиния? Воевать там не с кем. Ну разве что слушать, как он читает по вечерам свои сочинения юной супруге и домашним паразитам.

– Он поймал какого-то беглого раба по имени Калидром. Пишет, что это бывший пекарь бывшего наместника Мезии Лаберия Максима. Якобы этот Калидром ездил с какой-то миссией к парфянскому царю Пакору. Плиний просит приехать и опознать пойманного – даже обещает оплатить расходы на дорогу.

– Смешной! – фыркнула Мевия. – Как будто ты должен знать в лицо всех бывших рабов бывшего наместника.

Приск покачал головой:

– Самое смешное – что как раз этого раба я знаю в лицо. Не знаю другого: почему я должен ради этого тащиться в Вифинию? Пусть Плиний закует этого типа и пришлет в Рим. Здесь и установим сходство.

– Ты ему так и написал?

– Нет.

– Почему?

– Я сначала хотел переговорить с твоим мужем. Если этот Калидром в самом деле много лет торчал при дворе Пакора, то Декстра как центуриона фрументариев ¹⁶ очень-очень должны заинтересовать сообщения беглого пекаря, учитывая предстоящую кампанию. Посему я не ответил Плинию сразу. Боюсь, Плиний уже строчит мне новое письмо. Он, если не получает ответ на свои послания, – снаряжает за свой счет гонца и отправляет в путь, полагая, что императорские почтари не справились с перевозкой его драгоценных писем.

Мевия покачала головой:

– Ну зачем ты так? Плиний – он хороший.

– Разумеется, хороший. Хороший человек, хороший друг. И еще над ним хорошо смеяться.

¹⁵ Dacianus – адъютант или ординарец.

¹⁶ Фрументарии – снабженцы хлебом, во времена Траяна эта служба превратилась в службу разведки.

Они спустились вниз, чтобы осмотреть нижние барельефы колонны.

– Это штурм лагеря Пятого Македонского во время зимнего рейда бастарнов¹⁷, они перешли Данубий по льду, когда река замерзла, – указал Приск на один из барельефов. – Видишь того парня, что командует варварами? Изображен явно римлянин-перебежчик. Короткостриженный и бритый, среди варваров таких не было.

– В самом деле бастарнами командовал римлянин? – изумилась Мевия.

– Нет. Но на барельефе здесь явно Авл Эмпроний. Тот самый, что написал донос на нашу семью, из-за него отца убили... – Приск замолчал.

Потому что получается, что покойный отец был Мевии куда дороже, чем считал все эти годы Гай. Но бывшая гладиаторша ничуть не смутилась.

– Опять твой рисунок?

– Конечно.

Мевия прищурилась, разглядывая изображенного на колонне римлянина.

– Да, похож. Ну надо же. Хотя даже я бы не узнала, если бы ты не сказал.

– Я зарисовал его по памяти. После того как мы поймали этого гада в лагере Траяна, а он сбежал. Он ведь был замешан в попытке покушения на императора. Потом мой рисунок попал к Аполлодору. И так понравился, что его велели поместить сюда, в эту сцену. Хотя в осаде Эска Авл участия не принимал.

– Он погиб, надеюсь? – У Мевии дрогнули ноздри носа, и кулаки невольно сжались. – Я одно время думала, что он утонул на той дырявой посудине вместе с другими доносчиками, когда Траян велел отправить их в плавание без весел и парусов из Ости¹⁸.

– Я тоже думал, что он утонул. Но нет. Он выплыл. Как всегда выплывают мерзавцы. Причем выплыл очень далеко от Рима – в Дакии. И теперь я почему-то думаю, что он жив. Никто ведь не видел Авла Эмпрония мертвым.

Юный Декстр тем временем вернулся.

– Гай Осторий Приск, – выкрикнул юноша, воображая, что в этот момент очень похож на бывшего легионера, – я готов ехать с тобой куда угодно. Я буду сражаться, я готов дать присягу...

– Тише, – осадил его Приск. – Здесь отличная акустика.

Юноша кивнул и понесся наверх – снова рассматривать барельефы со второго этажа.

Мевия и Приск стали медленно подниматься следом.

– Я должен поговорить с его... отцом? – спросил Приск.

– Нет, – отрезала Мевия. – Да, Афраний его усыновил, но это чисто формальный жест – судьба Марка волнует только меня.

– А ты меня не обманываешь? Понять центуриона Афрания Декстра очень трудно. Может быть, отец против, чтобы мальчишка служил у меня? Центурион сам отправляется на войну и может взять с собой сына.

– Ты мне не веришь?

– Мевия, ни один римлянин не верит женщине до конца. Хоть на палец, хоть на полпальца, но он ее подозревает.

Мимо них пробежал какой-то человек, довольно высокий и, как показалось Приску, по стати – военный. Он так торопился, что едва не задел Мевию плечом, и только выучка бывшей гладиаторши позволила женщине уклониться. И Приск, и Мевия, оба невольно повернулись и посмотрели бегущему вслед. Парень был в тоге, сероватожелтой, не новой, и полу накинул на голову на манер капюшона, так что лица его ни Мевия, ни Приск разглядеть не сумели.

– Ты видела? – повернулся вслед бегущему Приск.

¹⁷ Бастарны – одно из варварских племен, союзники даков.

¹⁸ Остия – порт в устье Тибра, морские ворота Рима.

– Конечно – он мчался и чуть не сбил меня...

– Кровь. На тоге были пятна крови.

– А ведь точно...

– погоди! – окликнул парня Приск. – Стой!

Но тот не остановился – наоборот, ускорил шаги.

Оставив Мевию, Приск помчался вслед за странным посетителем. Впрочем, и Мевия поспешила следом – но не бегом, а быстрым шагом.

Беглец был уже на площади и трусил к выходу. Но трусил через силу, сгибаясь все больше.

– Стой! – вновь крикнул Приск. – Стоять! Кому говорят! – Командный окрик наполнился хриплой яростью.

Но беглец опять лишь прибавил шагу. То есть сделал попытку прибавить. Потому что, едва попытавшись перейти на бег, неловко выгнулся всем телом и пошатнулся.

Приск быстро его настигал. Мевия выругалась и, отбросив всю степенность матроны, как маску, помчалась следом, приподняв края столы – чтобы не мешала.

– Гай, осторожнее с ним! – крикнула она Приску.

Тот уже почти настиг беглеца. Внезапно убежавший остановился и развернулся на месте. Из-под тоги вылетела рука с кинжалом. Приск был уже рядом, но среагировал, ловко ушел в сторону, клинок не достал его – лишь чуть-чуть коснулся ткани.

Тога – не самая подходящая одежда для драки. Ногой не ударишь. А из оружия – короткий кинжал, который Приск всегда носил с собой.

Беглец вновь ужалил кинжалом. В этот раз Приск отбил удар правой рукой – клинок заскрежетал по металлу браслета, вмяная податливое серебро в плоть, – а левой всадил свой кинжал в живот нападавшему. И тут же выдернул. Беглец стал валиться на спину. Клинок выпал из пальцев раненого и зазвенел, покотившись по белым плитам.

К Приску уже бежали два преторианца.

– Я все видел, – выпалил первый. – Как этот тип напал на тебя. Воришка или...

– Понятия не имею. Заметил: человек убегает, а на тоге – кровь. Вот и помчался следом. Приказал остановиться. А он на меня кинулся.

Как доказательство Приск предъявил помятый браслет. На преторианца произвела большее впечатление сама награда за Дакийскую войну, нежели вмятина на серебре.

– Хочешь сказать, что там наверху... – нахмурился гвардеец.

Мевия, оказавшаяся уже рядом, кивнула:

– Этот человек удирал из библиотек весь в крови. Он едва не столкнул меня с лестницы! Уверена, он кого-то убил. Или попытался убить.

Преторианец наклонился и оглядел тело.

– Отжил свое, – процедил сквозь зубы.

Приск тоже наклонился, рванул тогу, потряс.

– Что ты ищешь?

– Если этот человек убегал, возможно, он что-то пытался вынести...

Гвардеец принялся помогать – даже перевернул беглеца. Но ничего, кроме тощего кошелька с парой медных монет, при убитом не нашлось. Зато сделалось ясно, почему беглец трусил к выходу, скорчившись, а не мчался быстрее ветра: на боку на тоге виднелись небольшие дыры. Крови вытекло немного. Но бывшему центуриону не нужно объяснять, что такой удар может быть опасным и даже смертельным.

– Скорее всего, его кто-то ударил стилем... – предположил Приск. – Но думаю – на тоге не только его кровь. Если судить по этой ране. – Уж чего-чего, а ран за время службы он навидался достаточно. – Надо вернуться в библиотеки и узнать, что же там случилось.

Преторианец, который обыскивал тело, согласно кивнул. Его товарищ остался подле тела, а сам он направился в библиотеку вместе с Приском и Мевией.

– Мама! – стрелой слетел им навстречу Марк. – Там библиотекаря убили! Труп лежит в зале с книгами. Представляешь!

В голосе юного Марка явно звучал восторг – посещение Форума, не сулившее, как казалось юноше, ничего интересного, обернулось удивительным приключением с убийствами, погоней и схваткой – Марк лишь об одном жалел – что не видел, как Приск дрался с таинственным убийцей. Да и сам был не прочь принять участие в погоне.

– Полагаю, библиотекаря притушил наш беглец, – вполне резонно заметил Приск. – Но получил, на свою беду, удар стилем. Библиотекари – опасные люди! – И он подмигнул Марку.

Преторианец громко заржал:

– Да неужто!

– Точно-точно, – совершенно серьезно отвечал Приск. – Ты бы только видел, как писцы сражались при обороне лагеря Пятого Македонского. Один ветеран из канцелярии за день успокоил трех бастарнов. – В речи столичного жителя мгновенно ожил жаргон легионера Пятого Македонского.

Преторианец недоверчиво хмыкнул – но опровергать человека с серебряными наградными браслетами на запястьях не стал.

– Где нашли тело? – спросил Приск.

– В зале латинской библиотеки.

* * *

Марк сказал правду – на мозаичном полу в луже крови лежал старик-библиотекарь, бородатый, с лысым черепом, в синем хитоне, подпоясанном дешевым ремешком. Крови было много, поскольку старику перерезали горло. Борода и редкие волосы все перемазались и слиплись бурными сосульками.

На полу, разбросанные, валялись футляры со свитками. Судя по количеству, они высыпались сразу из двух или трех стеновых шкафов. Один футляр открылся, и свитки раскатились по полу. Сломанная скалка, на которую прежде был намотан папирус, валялась в углу. Похоже, тут случилась серьезная драка. В итоге старика зарезали. Два писца-подростка забились в угол. Тот, что постарше, пытался держаться молодцом, но младший трясся так, что громко клацали зубы: оба они, судя по всему, были государственными рабами, и в случае разбирательства их должны были отправить на пытку.

– Господин! – завопил тот, что постарше, едва Приск вступил в залу. Вскочил, кинулся навстречу, грохнулся на колени и стал целовать руки. Увидев тогу с пурпурной каймой, парнишка решил, что человек при должности и может спасти его от раскаленного железа палача. – Мы не виноваты!

– Охотно верю, – отозвался Приск, с трудом освобождая руку из пальцев обезумевшего от страха раба. – Убийца и сам погиб, так что к претору вас не потащат. Кто-нибудь послал за старшим библиотекарем?

– Квадрат побежал. Это он палкой огрел убийцу... – Парень осмелился распрявиться, но с колен не встал. – А мы с Харином остались.

– И не уходить никуда! Слышь, мелюзга! – прикрикнул на рабов преторианец. – Пытка не пытка, а спрос еще будет!

Сам он, не найдя в библиотеке ничего для себя интересного, уселся на скамью, чтобы поджидать старшего библиотекаря с комфортом.

– Кто-нибудь, кроме вас, видел, что произошло? Желательно кто-то из свободных, – продолжал свой допрос Приск. Разумеется, преторианцы подтвердят, что Приск всего лишь хотел остановить беглеца, а тот набросился на него с кинжалом. Но все равно – лучше себя обезопасить и постараться выяснить, что за человек убитый.

– Мы ничего не видели... Совсем ничего! Но вот тот, другой библиотекарь, – испуганно залопотал Харин из своего угла. – Тот библиотекарь сейчас вон там... – Парнишка указал на соседнее помещение греческой библиотеки.

– Отлично. Как я погляжу, ты сообразительный парень, Харин. А тебя как звать? – повернулся Приск к старшему, что все еще стоял перед ним на коленях.

– Я... я... – Парень плаксиво кривил губы. – Я вообще греческими свитками ведаю.

– Он – Диокл, – тут же предал старшего товарища Харин. – У него вон на ошейнике написано. Он уже однажды бежать пытался, но Паук его не сослал на каменоломни, а просто надел ошейник. А я не бегаю. Я всегда здесь. Всегда-всегда, клянусь Юпитером. Даже ночью здесь.

– Отлично. Значит, если я приду завтра, то непременно найду тебя?

– Конечно. С самого утра. – Младший совсем осмелел.

Но хотя Харин и оправился от первого испуга, рассказать о случившемся он больше ничего не сумел. Пришлось Приску отправляться в греческую библиотеку искать нового свидетеля. Зал был пуст – ни единого посетителя, порядок в отличие от латинской – идеальный, только на столе забыт чистый пергаментный свиток. Тогда Приск заглянул в небольшую экседру, что отделялась от большой комнаты плотной занавеской. За столом в деревянном кресле сидел человек в тоге, склонив голову на грудь. В первый миг показалось, что он тоже мертв. Но потом Приск увидел его руку. Пальцы мелко тряслись.

– Ты видел... – начал Приск фразу.

При звуке его голоса сидящий вскрикнул и обернулся.

– Фламма? – Старый товарищ по Пятому Македонскому выглядел сейчас не очень браво – тога сбилась, а ком ткани на животе Фламма придерживал правой рукой. Лицо его было мокрым от пота, всклокоченные волосы торчали во все стороны. Нельзя сказать, чтобы прежде Фламма был большим героем, но сейчас он выглядел так, будто спустился в Тартар и только что вернулся обратно.

Из всех легионеров славного контуберния Фламма – единственный, кроме Приска, кто покинул военную службу. Однако Приск ушел из легиона с почетной отставкой до истечения срока службы (редкое исключение), вернул себе право пребывать в сословии всадников, после чего еще год отслужил префектом, а Фламму выставили из легиона по ранению. Никакой почетной отставки писцу при этом не полагалось. Но Фламма, похоже, и не переживал. Теперь он трудился в библиотеке на Форуме Траяна и был вполне счастлив судьбой. Во всяком случае, до сегодняшнего дня.

– Г-гай.. – пролепетал сидящий и сделал безуспешную попытку подняться.

– Что ты здесь делаешь? Ах да... ты же теперь служишь в библиотеке...

Фламма вдруг вытянул вперед левую руку, и Приск увидел, что она в крови.

– Тебя ранили? Этот тип? У «латинцев»? – встревожился старый товарищ. – Тот, что напал на старика?

Фламма спешно закивал. Зубы его выбили громкую дробь.

– Ты потерял много крови... надо послать за лекарем...

– Лучше... домой... – выдавил Фламма. – А к-крови немного... п-просто... ну... от боли... так дрожу... А вообще, это царапина.

– Точно?

– Клянусь Геркулесом...

– Ну и отлично... Тогда можешь сказать, что произошло?

Фламма снова закивал.

– Так говори!

Приказ на бывшего легионера подействовал благотворно. Фламма перестал трястись и заговорил быстро и довольно связно:

– Я услышал крик и побежал к «латинцам». Вижу, какой-то сумасшедший выбрасывает из ниш свитки на пол. А старик наш – Паук – на него орет. А потом взял и замахнулся стилем. Я оглянуться не успел, как грабитель подскочил к Пауку, обхватил за шею, развернул и перерезал горло.

– Это ты ударил убийцу стилем?

– Я. Но он бросился на меня с кинжалом.

– Послушай, давай сделаем так. Я тут с Мевией и ее сыном Марком. Я пошлю Марка за наемной лектикой¹⁹, доставим тебя...

– К тебе домой... – вдруг сказал Фламма, и его опять затрясло. – Только к тебе домой пусть отнесут. Больше никуда.

Приск нахмурился. У него на сегодняшний вечер имелись совсем иные планы, нежели ухаживание за Фламмой и общение с врачом. Но, учитывая, что библиотекарь жил в съемной комнатке на четвертом этаже инсулы²⁰, а его единственный раб, изрядный лентяй и жулик, наверняка убежал играть в кости до самого вечера, то просьба выглядела вполне уместной.

Когда Приск вернулся в латинскую библиотеку, преторианец уже разговаривал со степенным немолодым греком, одетым неброско, но богато. Судя по всему, один из императорских вольноотпущенников. Смотритель библиотеки что-то записывал на восковые таблички.

– Мерзавец ранил еще одного библиотекаря, надо срочно отвезти его домой, – сказал Приск.

– И кто у нас такой невезучий? – фыркнул вольноотпущенник. – Наверняка Фламма.

– Точно...

– Подержи его в кровати подольше... – рассмеялся грек. – Мне иногда кажется, что этот парень притягивает беды. В прошлом месяце он едва не устроил пожар. А сегодня – убийство. Преторианец сказал, что тебя зовут Гай Осторий Приск.

– Именно так.

– Это же твоя статуя в портике?

– Точно.

– Рад, что ты проявил себя снова как герой и не дал уйти убийце.

Похоже, причина происшедшего смотрителя ни на палец не волновала. Типичный ритор. Они приучены видеть мельчайшие детали, но не замечают целого. А вот Приска происшедшее сильно встревожило.

Приск отослал Марка за лектикой, объяснив, что придется нести на носилках раненого, и нести быстро, а сам вернулся к Фламме.

– Давай я тебя осмотрю, – предложил бывший центурион. – Ты же помнишь – я знаю толк в ранах.

– Нет-нет... – взвыл Фламма и еще плотнее прижал скрученную тогу к животу. – Рана только на левой руке. Ее и перевяжи.

– Ты что, обделался? – насмешливо прищурился Приск.

– Умоляю тебя, молчи... – Фламма округлил глаза так, что сделался похож на филина.

Приск нахмурился. Потом внимательно оглядел дрожащего товарища. Пусть Фламма и не герой – но на берегах Данубия провел несколько лет, побывал и в кровавых сражениях, и в отдельных стычках. Так что в ратном деле не новичок. И так позорно трусить лишь потому, что кто-то кинулся на него с кинжалом, он бы не стал. Рана на руке – пустая царапина и к тому, что Фламма весь дрожит и исходит потом, вряд ли имеет отношение. Значит, случилось что-то совершенно необычайное. И очень страшное.

– Хорошо, – уступил Приск, оценив ситуацию. – Сделаю, как скажешь.

¹⁹ Лектика – носилки.

²⁰ Инсула – многоквартирный дом. Дословно – остров.

- Ты здесь один?
- Нет, я же сказал: пришел с Мевией и ее сыном Марком. Ты меня вообще-то слушал?
- Слушал, да... Постарайся по дороге их отослать... очень тебя прошу...
- Попробую, – согласился Приск. – Но Мевия, как все женщины, любопытна.
- Что может быть интересного в раненом библиотекаре... – простонал Фламма.
- Есть ткань поблизости?
- Вон там... в одной из ниш... немного льна – подклеивать драные пергаменты.

Приск отыскал в указанном месте обрезки полотна, а также – флягу с вином (весьма крепким, как выяснилось после пробы). Это было очень кстати – плеснуть на рану и дать пару глотков раненому.

– Ну вот, ты теперь как новенький... – усмехнулся Приск, разглядывая не слишком удачную повязку.

– Гай... – пробормотал Фламма шепотом, – ты меня прости, ладно?

– За что? – не понял Приск.

Но Фламма не ответил.

Однако, за что просил прощения библиотекарь, выяснилось очень быстро.

Глава II ФЛАММА

Лето 866 года от основания Рима

Рим

Когда Приск подходил к своему дому, то всякий раз старался не смотреть на колонны у входа. Этот пристроенный вестибул (а вернее – настоящий портик) был творением рук самого ненавистного человека в мире. Авл Эмпроний, получивший имущество Присков в награду за подлый донос, начал обустривать здесь свое гнездо на новый лад. Начал-то он начал, да не преуспел.

Где теперь Авл Эмпроний? В последний раз Приск сталкивался с ним на Данубийском лимесе, но и тогда этот мерзавец снова ускользнул.

Исчез, растворился. А колонны стоят.

И все же по какой-то причине новый хозяин не приказал снести это безобразие. Может быть, он просто любил этот дом, как любят живого человека, а пережитые напасти и горе не в силах поколебать это чувство. Здесь жил его отец, здесь в перистиле он учил Гая сражаться, здесь преторианцы убили отца по приказу императора Домициана. Ни за какие блага на свете Приск не расстался бы с родовым гнездом снова. На втором этаже он велел пристроить деревянный балкон, а Кориолла украсила его цветами в горшках. Такие балконы делались обычно в инсулах, а не в частных домах, но почему бы и нет, если здесь можно с удовольствием посидеть вечером вместе с женошкой, наблюдая, как кипит столичная жизнь в узкой улочке у них под ногами.

Привратник дрых в тени портика у входа, устроившись на низенькой табуретке в обнимку со здоровенным псом по кличке Борисфен. Хозяина Борисфен учуял, приподнялся, вильнул хвостом. Пса этого Приск привез с Данубийского лимеса, с годами зверь сделался огромен, неповоротлив и напоминал закованного в броню катафрактария²¹. Привратник был стар и к тому же изуродован во время Первой Дакийской войны, но предан не хуже пса и еще довольно силен.

²¹ Катафрактарий – тяжелый кавалерист. И конь, и всадник были защищены доспехами. Катафрактары известны у парфян, сарматов, армян и иберов.

Приск велел остановить лектику у входа, расплатился с носильщиками и помог Фламме выбраться из носилок. За время пути раненому стало немного легче – во всяком случае, он успокоился и перестал трястись. Может быть, потому, что Мевия догадалась остановиться у ближайшего фонтана и дать раненому напиток. Сказать к слову, после того как Фронтин при императоре Нерве назначен был смотрителем водопровода в Риме, вода в столице сделалась намного вкуснее и чище. Приск и Мевия тоже напились. После чего Мевия без всяких намеков со стороны Приска объявила, что ей надо срочно домой – она и так уже слишком задержалась, – и ушла вместе с Марком, как бы демонстрируя, что убийство в библиотеке более ее не касается. Кто спорит, на первый взгляд во всей этой истории не было ничего интересного. Но Приск чуял – тут какая-то опасная тайна. Недаром Фламма трясется и молчит.

Вместе с привратником Приск ввел раненого в атрий. Фламма при каждом шаге стонал и закатывал глаза, но после трех или четырех шагов вдруг пробормотал:

– Ты так мне и не сказал, сколько стоят эти колонны.

Приск остановился.

– Может быть, ты сам пойдешь, а не будешь виснуть у меня на руках?

– Ну и пойду... – Фламма приосанился, но правой руки с живота не убрал. – А этот мрамор точно не по твоему кошельку.

– А плевать... – отозвался Приск.

Речь шла о новых колоннах каристийского мрамора в атрии, которые хозяин установил в прошлом году. Рисунок для мозаики на полу бывший центурион придумал самолично, хотя подобной деталью хвастаться и не стоило – не пристало римлянину такое занятие. Его сфера – война и политика, управление поместьем, на худой конец – если беден – земледелие, а для сословия всадников – торговля. А рисунки, фрески, мозаики – эти безделки хозяева мира всегда оставляли грекам. А римлянину оставалось просто гордиться красотой дома и богатством.

– Пойдем в таблиний ²²? – предложил хозяин Фламме.

– Лучше в библиотеку, – пробормотал раненый. – К тому же это бывший таблиний... Избираем компромисс...

Фламма обожал разные такие словечки, а еще обожал являться к Приску в гости без предупреждения. Впрочем, хозяин не протестовал. И пускай порой Фламма выглядел нелепо, родство их душ с каждым годом становилось очевиднее. Вечером за обедом друзья могли часами обсуждать «Метаморфозы» Овидия. А еще Фламма притаскивал эпиграммы – он их обожал – и зачитывал творения Ювенала самолично, пытаясь под шумок непременно прочитать и пару своих – но бывал тут же уличен и раскритикован за неудачный слог и натужные шутки.

Что касается библиотеки, то половина свитков в ней и так принадлежала Фламме – в съемной комнатке книги попросту негде было хранить, а Фламма почти все деньги, что оставались после оплаты жилья и еды, тратил на свитки. Так что кресло, в которое его теперь усадили, было ему как родное – здесь он просиживал часами в дни праздников, когда большинство жителей столицы с утра до вечера торчали в амфитеатре Тита или в Большом цирке.

– Прим, пошли внучонка за лекарем, – велел хозяин привратнику.

Ни детей, ни внуков у Прима не имелось, но, как к родному, он привязался к мальчишке, которого Приск купил в Мезии, и теперь все в доме кликали мальчика внучонком.

Библиотека в самом деле когда-то служила таблинием отцу Приска, потому что от настоящего таблиния в те дни пришлось отказаться. Теперь молодой хозяин, вернув себе дом, устроил здесь хранилище книг. Комната была просторная, с окном, выходившим в перистиль. От Эмпрония здесь остались кресла и большой стол, а еще за время недолгого своего владения доносчик успел застеклить окно, но летом раму всегда держали открытой.

²² Таблиний – кабинет хозяина, обычно находился сразу вслед за атрием.

– Закрой окно, – попросил Фламма. Голос его больше не дрожал, но говорил библиотекарь очень тихо.

И было что-то в его голосе такое, что-то настолько зловещее, что Приск тут же повиновался. Он закрыл окно и повернулся к старому товарищу. Тот наконец разжал правую руку, и складки сбившейся набок тоги медленно развернулись. Тогда библиотекарь извлек из-под шерстяной изжеванной и перепачканной в крови ткани кожаный футляр.

– Здесь нас никто не подслушает? – Фламма покрутил головой.

– Надеюсь, что никто.

Тревога раненого невольно передалась Приску, но хозяин дома не в пример лучше владел собой.

Фламма, помедлив, открыл футляр и достал один-единственный свиток, хранящийся внутри.

– Из-за этого пергамента убили старика, – признался библиотекарь.

– Расскажи, как все было.

– Сначала прочти, – предложил Фламма.

Приск застыл в нерешительности. Печать на свитке имела, но висела она на оборванной веревке – свиток был вскрыт. А печать была императорской. Рожки скалки из слоновой кости говорили о том, что свиток принадлежал человеку небедному. И еще очень не понравился Приску взгляд Фламмы. В нем были страх и мольба. Человек, не побоявшийся вступить за дакийскую деревушку – один против мавретанских головорезов Лузия Квиета, о жестокости которых ходили легенды среди легионеров, – сейчас примитивно трусил.

Поколебавшись, Приск развернул свиток и принялся читать. Пергамент был не длинен – всего три красные рубрики разделяли по вертикали «страницы» свитка.

Было еще светло, лучи западного солнца ковром ложились на мраморный пол с наборной мозаикой. В центре узора – сама Минерва с копьем и щитом, в золотом шлеме. А Приск читал и перечитывал пергамент, с трудом осознавая – что именно у него в руках.

– Ты хоть понимаешь, что это? – спросил он наконец, откладывая свиток и глядя на Фламму.

Тот невольно сжался в кресле и нехотя кивнул.

– И как это попало в библиотеку?

– Полагаю, вчера... Когда Форум Траяна посетила Великая дева...

– Старшая весталка? – зачем-то переспросил Приск.

– Ну да. Она привезла в дар несколько футляров со свитками. По матери Великая дева из рода Корнелиев. Сообщила, что дарует библиотеке книгу Суллы²³ – его записки о войнах с Югуртой. Причем не какой-то переписанный издателями экземпляр, а самый что ни на есть подлинный, тот самый, что надиктовал Сулла секретарю. Разумеется, мне лично захотелось ознакомиться с этими записками. И вот я прихожу сегодня в латинскую библиотеку и, к своему огорчению, вижу, что Паук роется в свитках, только вчера доставленных Великой девой.

– Паук?

– Ну да... так зовут... то есть звали этого книжного червя. Я решил, что он первый хочет завладеть рукописью Суллы, и подошел к нему сказать, что я прежде него хочу видеть свиток, все же Паук – вольноотпущенник, а я – римский гражданин. И что пергамент надо непременно отдать переписчику. В первый момент, услышав мой голос, Паук так подпрыгнул, будто я всадил ему стиль в задницу, потом заорал на меня как сумасшедший.

– Что он орал?

²³ Сулла – известный полководец и диктатор. Сулла принадлежал к патрицианскому роду Корнелиев – поэтому его книга могла храниться в семье Великой девы.

– «Вон! Убирайся...» Не давал вставить в ответ ни слова... Центурион Валенс на нас так никогда не орал, как этот сумасшедший грек. Я ушел ошеломленный. Даже перебрался в греческую библиотеку. Но тут меня охватили подозрения. Решил, что старик хочет похитить свиток Суллы. Украдет и напишет свою книгу о войне на Востоке... и это меня так разозлило. Я аж закипел от подобной догадки – будто негашеную известь кинули в воду. Ворюга! Да еще на меня орет! Я схватил стиль со стола и побежал назад. И что же я вижу! Футляры и свитки разбросаны по полу, а Паук борется с каким-то парнем в грязной тоге. Но при этом левой рукой прижимает к груди футляр. Миг – и парень полоснул старика по горлу.

– Ужас... – прошептал Приск без всякого выражения.

– Точно – ужас, – подхватил Фламма. – Не знаю – что тогда со мной случилось. Наверное, вспомнил, как мы с даками сражались. Подлетел я к этому парню и пырнул его стилем в бок. Потом рванул из рук умирающего старика футляр и пустился бежать – назад в греческую библиотеку. По дороге засунул футляр под тогу. Влетаю в залу, ору: «На помощь, Паука убили». А я – весь в крови. Это парень успел меня ранить в руку, но, как и когда – я даже не заметил. Там у нас как раз находился один из рабов, что таскает футляры и всякую мебель, здоровый такой, но жуткий тупица, кажется, и читать не умеет. Он ухватил палку, которой открывает наверху рамы, чтобы в жаркий день не было душно, и помчался к «латинянам». Он-то и не пустил убийцу в греческую половину – треснул пару раз так, что тот понял: меня ему не достать, и дал деру.

– А ты?

– А я забился в экседру, где ты меня потом нашел, ну и... вытащил свиток из футляра. Я был так уверен, что это книга Суллы, что, не задумываясь, сломал печать и развернул пергамент. Стал читать и понял...

– Да неужели? Неужели понял?

Фламма отчаянно закивал. Почему-то Фламма напомнил Приску в этот миг черного щенка, которого обрекли на жертву Гекате. Да уж, сегодня все мысли – о смерти и кровавых жертвах.

– А прежде чем сломать печать, не поглядел, чья она? А?

В этот раз жест отрицательный.

– Ты не обделался, когда прочел? – спросил Приск зло.

– Нет, я просто удивился.

– Чему...

– Ну, тому, что предсказание Тиресия не сбудется.

Фламма замолчал, кажется, до него только сейчас начало доходить, в какую отчаянную историю он влип. И втравил старого друга.

– Это завещание, Фламма, – произнес тоном злобного учителя Приск. – Завещание императора Траяна! Ты слышишь? А? Слышишь или нет?

– Я-то слышу, – прошипел Фламма, – а тебе совершенно не нужно орать, чтобы слышал еще кто-то другой. Что вижу завещание, я понял очень быстро. И еще понял, что имени Адриана в этом пергаменте нет. А ведь Тиресий предсказал Адриану, что тот будет императором после Траяна. Мы ведь это все знаем...

Приск несколько раз кивнул и прошелся по библиотеке.

Ну да! Про предсказание всему славному контубернию известно. И не только одному контубернию, а многим и многим... А вот про то, что пророчество это выдумал хитрец Кука, а предсказатель Тиресий только озвучил, знают немногие. Так что ничего провидческого в этом предсказании никогда не было. Сами выдумали, сами воплощаем... Дела исключительно земные.

– Завещание императора должно храниться в храме Весты, – напомнил Приск. – А не в библиотеке, где какой-то Фламма может сунуть нос куда не надо!

– Великая дева нередко бывает у нас. Она уже посещала Форум Траяна во время посвящения колонны. Ах да! Теперь я вспомнил: в тот день она долго разговаривала с Пауком.

– Колонну посвящали чуть более месяца назад, – уточнил Приск. – Значит, тогда они и сговорились, что весталка принесет завещание, а Паук... Паук должен был его кому-то передать. Но кому? – Приск уставился на библиотекаря.

– Откуда мне знать! – Фламма заерзал в кресле.

– Что же получается? – продолжал рассуждать вслух хозяин, все убыстряя шаги, – библиотека казалась ему теперь клеткой, а сам он – запертым в нее зверем. – То ли Паук проговорился, то ли кто-то другой узнал, что Великая дева переправила завещание в библиотеку. И прислал своего человека опередить Паука и завладеть пергаментом.

– То есть получается... У нас сразу парочка врагов?

– У нас? – Приск остановился и ястребом уставился на товарища. – Парочка? А про императора ты не забыл?

Фламма потерянно молчал.

Приск взял пергамент, медленно свернул, так же медленно положил в футляр (Фламма не отрывал взгляда от его рук, но ни о чем не спрашивал), футляр спрятал в окованный медью сундук и запер на замок. Теперь в сундуке военного трибуна хранилось завещание Траяна. Приск ни мгновения не сомневался, что завещание подлинное, хотя все в окружении императора хором утверждали, что Траян свою последнюю волю еще не записал. Такая маленькая хитрость – не позволить претендентам начать склоку прежде, чем Траян умрет.

Но роль властелина Рима друзья обсудить не успели – в дверь поскреблись.

Приск распахнул ее так резко, что стоявший за ней мальчишка лет восьми едва не упал.

– Лекарь явился... – сообщил мальчонка, с изумлением заглядывая в комнату – что это хозяин так дергается?

Приск молчаливо махнул рукой в сторону кресла, давая понять, что, мол, раненый здесь, и им можно заняться. А сам вышел в атрий.

* * *

Чудища морские получились почти как настоящие. Рыбы били хвостами и разевали рты, очутившись на берегу, кальмары скручивали узлами щупальца, морские звезды лежали на песке – только протяни руку и возьми. Мастер в точности перенес рисунок хозяина на пол, подобрал камешки с любовью: множество оттенков серого – от темного, почти черного, до мутновато-белого, каким бывает густой туман в дакийских ущельях, синие камешки – от лазури до густого черно-синего (такой бывает морская пучина во время шторма, когда ярится и надувает щеки Борей). А вот и желтый – золотистый, воистину солнечный, а рядом светлый, как лепестки отцветающего лютика...

Кориолла сидела на скамье в атрии, поджидая мужа. Накануне они немного поцапались, и теперь Кориолла первая – как всегда – искала примирения. И еще она надеялась – опять же как всегда – настоять на своем.

Заслышав шаги Гая, Кориолла вскочила, одернула длинную столу – хозяйке богатого дома не пристало расхаживать в короткой тунике даже по комнатам.

– Пойдем в сад, я покажу тебе грядку с левкоями... – улыбнулась она.

Когда она улыбалась, на щеках появлялись ямочки. До рождения сына их не было. После вторых родов Кориолла располнела, но полнота ей шла, делала более женственной.

Перистиль был гордостью хозяйки, ее детищем. С двух сторон окруженный портиками – и в каждом по двенадцать новеньких беломраморных колонн. По углам чернели туи и кипарисы, а на грядках с левкоями творилось розово-лиловое буйство.

«Тот самый кипарис», – подумал Приск, глядя на старое дерево в углу садика.

Тот самый кипарис, что рос еще в дни, когда отец учил недотепу-сына орудовать гладиусом и фракийским клинком. Сколько лет с тех пор миновало? Восемнадцать? Или девятнадцать даже. Ну да, это был 847 год от основания Рима ²⁴, девятнадцать лет назад его отец тренировал в этом перистиле Мевию и юного Гая. Девятнадцать лет пронеслись галопом, поседев виски и оставив немало отметин на теле. И на душе – тоже.

Юноша из обедневшей семьи без будущего, сын «врага народа» вернул себе место в сословии всадников, женился на любимой девушке, растил двух чудесных детей. Жизнь удалась...

Почти.

– Послушай, мы могли бы и не покупать поместье в Италии, почему бы не найти небольшой домик с садом где-нибудь близ Комо? Там чудесные места... – начала Кориолла. – На дом с садом близ Комо нам вполне хватит денег.

– Ты думаешь, я уезжаю в Парфию ради мифической добычи?

– А разве нет?

– Нет, – отрезал Приск.

Похоже, вчерашняя ссора грозила возобновиться. Но Кориолле хватило благоразумия не продолжать...

– Фламма опять явился в наш дом без приглашения, – изменила она русло разговора, как своенравная дакийская речка. – Без приглашения и без сообщения, что придет. В общем – без всего...

– Неправда, – пробормотал рассеянно Приск. – Он пришел в тоге.

– А, ты все шутишь... Скажи еще: он останется у нас обедать?

– И... да... наверное...

– Ты как будто чем-то опечален? – встревожилась Кориолла.

– Это происшествие в библиотеке... Ты еще не знаешь?

– Еще нет. Дай угадаю: ты вечно влипаешь в разные передраги. И сейчас что-то такое...

– Но за это ты меня и любишь!

– Не только за это! – лукаво прищурилась Кориолла. – Ну давай же, говори!

«Фламма! Ты дурак, каких мало! Ты притащил этот треклятый свиток в мой дом. А у меня жена! Дети! Дети! Я – глава семьи, отвечаю за всех живущих под этой крышей!» – едва не закричал Приск.

Тот, кто охотился за свитком, вполне мог иметь сообщников. То есть наверняка имел. Возможно, кто-то из них проследил за Фламмой и его другом... Теперь заговорщикам ничего не стоило ночью ворваться сюда... Ну да, Приск отличный боец. Но если нападавших окажется человек пять – даже самый хороший боец в одиночку ничего поделывать не сможет. На рабов можно положиться – во всяком случае, Приск на это надеялся, – но все они в лучшем случае могут орудовать палками. Разве что сама Кориолла возьмет в руки меч, как в прежние дни на лимесе... Приск искоса глянул на жену. Нет, теперь уже вряд ли.

– Проклятие... – прошипел он сквозь зубы.

– О чем ты? Тебя проклинали? Это ерунда! Забудь. Прим каждый раз, подметая улицу, находит свинцовые таблички с проклятиями. Ими просто засевают перекрестки, как поля зерном по весне, особенно после скачек в Большом цирке.

Приск через силу улыбнулся. Придется рассказать Кориолле. Иначе, оставив в неведении, можно подставить любимую под удар. А Кориолла – женщина умная. И не болтливая... Для женщины вообще – поразительно не болтливая. Уж скорее Кука раскроет секрет, нежели она.

²⁴ 94 год н. э. Апиций – имя, ставшее нарицательным. Человек, который истратил все свое огромное состояние на роскошные обеды.

Пока он поведает лишь начало истории. Ту ее часть, которая и так известна многим. Про убийство в библиотеке. Остальное она узнает чуть позже... сегодня на обеде.

– Вор-убийца? Библиотечный вор с кинжалом? – усомнилась Кориолла, выслушав рассказ мужа.

– Видимо, обнаружил ценный свиток, решил спереть, а тут Фламма ему помешал, потом я... – Приск сделал паузу. – Вот что, воробышек мой...

– Подлизываешься?

– Вроде того, милая. Давай устроим сегодня небольшой обед с гостями. Фламма уже здесь. Пошлем вдобавок за Кукой. Кажется, он вечером должен быть свободен... А то сегодняшние события навели меня на грустные мысли.

– Хочется немного развлечься?

– Именно... развлечься. И кое-что обсудить.

– Хорошо, я пойду на кухню, распоряджусь. Но мы не успеем нанять хорошего повара.

– Обойдемся обычной стряпней. – Приск постарался улыбнуться как можно беспечнее. –

Мои друзья не привередливы в еде. А я не какой-то там Апиций¹.

Кориолла не угадала – больше всего на свете Приску хотелось не веселиться, а сжечь проклятый пергамент. Нет, сжигать нельзя. Надо бы показать свиток Тиресию. Но Тиресий служит центурионом в Троезмисе, куда был переведен из Эска лагерь Пятого Македонского легиона.

И еще Приску очень хотелось оторвать от свитка веревку с императорской печатью. Эта печать превращала свиток в смертный приговор для всякого, кто к нему прикасался.

То, что завещание существует, оказалось в некотором роде сюрпризом. То есть очень большим сюрпризом. Когда речь заходила о наследовании, Траян неожиданно упирался и не хотел говорить, кого же назначит повелевать миром после него. Но теперь оказалось, что завещание существует. Траян наконец провозгласил, кто именно будет править, когда наилучший принцепс²⁵ покинет этот мир. И этот человек – не Адриан. Какое разочарование! Приск и его друзья были уверены, что наследником станет именно их покровитель... И не только они прочли племяннику императора такое наследство... Но Адриан теперь в Сирии наместником, так что к нему не побежишь за советом.

О, боги, боги, зачем же Фламма втравил Приска в эту историю!

Хозяин в ярости ударил кулаком по ближайшей колонне. Последние годы прошли на редкость спокойно – и на редкость щедро рассыпала дары Судьба для бывшего центуриона. Подрастала дочь. Родился сын. Дом в Риме. Слуги и десяток рабов. Мозаичная мастерская. И он сам делает для этой мастерской рисунки. Но в глубине души Приск отлично понимал – покой этот мнимый. Если Адриан не унаследует империю, над головой Приска повиснет дамоклов меч неопределенности. Ведь Приск и его друзья – клиенты Адриана. Императорский племянник их опекает, продвигает по службе, они – всегда и всюду за него горой. Его крушение сулило им только неприятности, а кому-то даже изгнание и, возможно, смерть. Возвышение Адриана означало для них удачу. Во всяком случае, они на это надеялись.

А ведь Приск порою мечтал, что маленький Гай, пока мирно спящий в колыбели, лет через сорок станет консулом, первым в своем роду.

Приск резко мотнул головой – не стоит мечтать о несбыточном. Пока завещание Траяна со сломанной печатью лежит в сундуке в этом доме, единственное, что гарантировано его хозяину, – это смерть.

²⁵ Наилучший принцепс – официальный титул Траяна.

* * *

Друзьям повезло. Так вышло, что Кука, служивший в преторианской гвардии после окончания Второй Дакийской войны, в тот вечер не дежурил во дворце на Палатине. Приск раздумывал какое-то время, стоит ли посвящать Куку в опасное дело. Но раздумывал недолго. Уж коли Фламма показал ему проклятый пергамент, то, значит, подставил под удар и самого Прииска, и всю его семью, а возможно, и близких друзей. Так что Кука уже замешан. А выбраться из ловушки без помощи друзей – немыслимо.

То, что дело это не просто опасное, а смертельно опасное, Приск отлично понимал. Внешне приветливый и всегда, кажется, доброжелательный Траян не церемонился в средствах, когда задевались его интересы. Да, император никогда не выискивал мнимых врагов, а из приближенных (пусть они и жаждали власти) никто не желал наилучшему принцепсу смерти. Отцов-сенаторов Траян умел очаровать, оказывая им знаки внимания и не покушаясь на их мелкие прерогативы, армия его обожала, окружение – не смело слово сказать поперек. Единственный, кажется, с кем у Траяна время от времени происходили трения, – это Адриан. Траян то награждал племянника, то отдалял, хотя тот из кожи вон лез, стараясь заслужить благоволение дядюшки. Командуя на Второй Дакийской войне Первым легионом Минервы, Адриан проявлял чудеса храбрости.

Почти все тогда пребывали в уверенности, что дело с наследством решено. Увы, как теперь выяснилось, не в пользу Адриана. Значит, Траян не забыл главного: племянник никогда не был его единомышленником, мечтал не о захвате новых земель, а планировал обустраивать то, что оказалось во власти империи. Траян же полагал – или, вернее, чуял шкурой старого солдата – как только империя прекратит воевать, она начнет стариться, разрушаясь и умирая.

«Но сил воевать больше нет!» – спорил Адриан.

Задача казалась неразрешимой.

Так что, если рассуждать здраво, тот факт, что в завещании император не назвал племянника, был вполне логичен и не казался таким уж сюрпризом.

У Прииска не было ни малейшего желания проверить, как поведет себя Траян, если узнает о похищении пергамента и о том, что ветераны Пятого Македонского легиона оказались посвящены в старательно охраняемую тайну. Так что от варианта вернуть императору украденное завещание Приск сразу же решил отказаться.

* * *

Как только лекарь ушел, Гай Приск отправился в библиотеку. Фламма был бледен, но держался неплохо. Что еще более странно, болтливый библиотекарь все время молчал, пока Гай писал коротенькое письмо Тирегию в Троезмис. После окончания последней Дакийской кампании Тиресий вернулся в свой родной легион уже в чине центуриона. Теперь он возглавлял пятьдесят девятую центурию – ту самую, в которой служил когда-то и которой столько лет командовал погибший при осаде Дробеты Валенс. В Троезмисе, как и вообще в Малой Скифии, ныне было вроде бы тихо – так что Приск надеялся, что Тиресий легко получит отпуск, чтобы приехать в Рим.

Письмо было в общем-то коротким:

«Гай Осторий Приск Тирегию, привет!»

Помнишь ты о здоровье нашего патрона? Если да, то знай: ныне этому большая угроза. Приезжай, прошу. Болезнь вышла страшная. И если ее не унять с помощью лекарств – смерть неминуема. Адриан же уехал в Афины и оттуда в Сирию, архонтство его состоялось, но что с ним будет далее – неведомо.

Будь здоров!»

Приск надеялся, что удачно замаскировал намеки: попади письмо в чужие руки, никто не поймет, что упоминание о карьере напрямую соотносится с намеками на страшную болезнь патрона. И при чем здесь титул архонта, полученный Адрианом в Афинах? Но Тиресий догадается: Адриан достиг максимума, выше ему не подняться. Ну а о том, что болезнь угрожает не жизни, но карьере их патрона, Тиресий поймет сразу – в этом Приск не сомневался.

* * *

Фламма так и не ушел к себе домой – лишь послал мальчишку, «внучка» привратника, принести новую тогу. Эта тога, в отличие от прежней, узкой, предназначенной для работы в библиотеке, была скроена по новой моде, и закутанный в нее Фламма напоминал снежную шапку на вершине альпийского пика. Поскольку специально обученной рабыни, умевшей укладывать тогу, у библиотекаря никогда не имелось, перед значительными событиями – праздниками и приемами – он заявлялся к Приску, где Артемона, немолодая женщина, за которую Приск заплатил шестьсот денариев исключительно за ее искусные руки, превращала огромный кусок ткани в настоящее произведение искусства.

Вот и сейчас она так ловко уложила складки, что превратила неуклюжего библиотекаря в степенного уважаемого гражданина. Фламма, в отличие от Приска и Куки, всегда ходил в тоге и с некоторых пор не снимал ее даже на обеде, что было неудобно, – но такая уж появилась у библиотекаря причуда.

На обед, кроме старых друзей, никого не приглашали. Лишних слуг хозяин отпустил в ближайшую таверну – повеселиться. А кто останется в доме – могут посидеть на кухне и доесть остатки обеда – после того как подадут все блюда.

Привратник, как только гости соберутся, пусть наглухо закроет дверь, а сам вместе Борисфеном расположится в перистиле и следит, чтобы никто под окнами не подслушивал. В преданности старого Прима хозяин не сомневался: в прошлом раб, а ныне вольноотпущенник, этот человек много раз доказывал, что готов умереть если не за господина, то за свою госпожу, отцу которой он когда-то принадлежал.

Кориолла, разумеется, обратила внимание на все эти предосторожности. И – разумеется – спросила: в чем дело.

– Я расскажу на обеде... – пообещал Приск и улыбнулся.

Улыбка вышла кривоватой. Мягко сказать.

* * *

Самым большим украшением столовой-триклиния был мозаичный пол, изготовленный опять же по рисунку Приска. Мелкие камешки создавали сложнейший узор по краю, сама же мозаика была незатейлива и проста. Обычный для столовой рисунок. Обьедки. Рыбья голова со скелетом и хвостом, листья, отбрасывающие тень так, что невольно хотелось наклониться и поднять их, розы и розовые лепестки, скорлупа орехов, яблоки – все это изображено было на мозаике. Когда гости начинали отправлять под стол настоящие кости и огрызки, уже было не разобрать, где настоящая рыбья голова, а где – мозаичная. Каждый, побывавший в гостях у Приска, приходил в восхищение и наутро бежал к нему в мастерскую – заказывать для своей виллы или для городского дома точно такой же пол.

Обедали скромно – не до того сейчас было. Разговор не клеился. Кориолла поглядывала на мужа и его друзей выжидательно. Пока слуги расставляли кушанья, пока гости насыщались, поглощая свинину на шпажках (единственное, что умел готовить безупречно не слишком умелый повар хозяина), разговор вертелся вокруг новостей с Востока – выступит ли Траян в этом

году в поход или нет. Как минимум двое из славного контуберния – Приск и Кука – должны были отправиться с Траяном, если начнется война. Фламме участие в походе не грозило. Когда рабы принесли разбавленное вино, бокалы и лепестки роз – все потребное для возлияний, наступавших после обеда, – хозяин велел прислуге удалиться и запереть двери в триклиний, а у двери повесить розу – знак тайны, чтобы больше никто не входил. Еще с четверть часа разговор шел ни о чем. Затем Приск поднялся и обошел соседние комнаты и коридор – проверить, не подслушивает ли кто. Убедился, что не спит Прим, что на месте своем Борисфен, потрепал пса по огромной башке и велел – стеречь. Пес глянул понимающе и разлегся под окном, положив большую лохматую голову на лапы. После чего Приск вернулся в триклиний.

– Ты уверен, что Кориолла должна знать? – спросил Фламма, наполняя бокалы для нового возлияния.

– Уверен. Моя жизнь – ее жизнь. Я не могу от нее таиться. А коли ты не хотел, чтобы она участвовала, так незачем было меня вмешивать.

– Без тебя мы ничего не сможем сделать, – вздохнул Фламма. – Ты – наш мозг!

– Ладно, хватит тайн! – воскликнул Кука. – Рассказывайте, вы, двое, что и как. Я уже умираю от любопытства.

– Вот именно! – поддержала его Кориолла. – Ты решил меня посвятить в свое дело, но не говоришь пока ни слова напрямую. Может быть, объяснишь наконец, что стряслось?

Приск повертел в руках серебряный кубок – греческая тончайшая работа из дакийской добычи – и сказал:

– Все просто. И сложно. У меня в сундуке хранится один пергамент... Свиток, который пытались похитить из библиотеки сразу два человека. Оба погибли. Паука-библиотекаря убил неизвестный в грязной тоге, по виду бывший военный, военного убили мы с Фламмой, еще не ведая, зачем тот приходил в библиотеку.

– Гай, ты просто взял и убил человека, потому что он явился в библиотеку в нестираной тоге? – удивился Кука. – Что делает с человеком развратный Рим!

– Я защищался! – почти одновременно воскликнули Фламма и Приск.

– Итак, двое погибли, и пергамент достался тебе, Гай? Что-то вроде добычи? – продолжал насмешничать Кука.

– Пергамент оказался у Фламмы, – уточнил Приск. – Фламму, раненого, привезли ко мне домой вместе с пергаментом. И... – Приск сделал глубокий вздох. – Это завещание императора Траяна.

– Что?! – Кука аж подпрыгнул. – Значит, завещание существует! И... как же узнать, что внутри?

– Я его прочел, – признался Приск. – Как, впрочем, и Фламма. И...

– И... – прошептала Кориолла, а Кука даже открыл рот, ожидая.

– Адриан – не наследник.

– Как? – снова взвился Кука. – Но Сармизегетуза! Ты помнишь! Траян надел Адриану на палец алмазный перстень Нервы. Все видели! Все знают! Тиресий еще об этом болтал, пророча! О перстне болтал, а мы ничего не понимали! – Кука начал горячиться. – Как же после этого Адриан может не быть наследником?

– Кто же тогда наследник? – прервала восклицания Куки Кориолла.

– Неважно. Главное – не Адриан.

– А я хочу знать, – объявил Кука. – Ты вот знаешь. Почему я не могу? Мы все должны быть в равных условиях.

Гай помолчал, переводя взгляд с Фламмы на Куку, потом – на Кориоллу. Та кивнула, давая понять, что согласна с Кукой. Приск поднялся и вышел, но вскоре вернулся с футляром. Достал свиток и протянул Куке. Тот потрогал сломанную императорскую печать, покачал головой и принялся читать вслух.

Когда он закончил, воцарилось долгое молчание.

– Но с этим уже... ничего нельзя сделать? – спросила наконец Кориолла.

– Почему нельзя? – вздохнул Приск. – Ну я один не смогу ничего сделать. Но, пожалуй, есть кое-кто могущий.

– Тиресий? – предположил Фламма.

– Адриан, – ответил Приск.

Кука почесал макушку.

– Так что ты планируешь? – спросил Кука. – Пошлешь Адриану письмо?

Приск хмыкнул:

– Кука, друг мой, разве можно подобное доверять гонцу? Или вообще кому-то и чему-то доверять?

– Я чего-то не понимаю! – взмахнула рукой Кориолла. – Из-за этого завещания, которое так вот случайно попало к Фламме, а теперь лежит в сундуке у нас в доме, – она особо подчеркнула это «у нас в доме», – двое уже погибли. Подумай, дорогой мой супруг, вот о чем: тот, кто пытался завладеть этим пергаментом, не оставит своих попыток. И как только он нападет на наш след, мы все, повторяю – все – окажемся в смертельной опасности.

Фламма взъерошил волосы, залпом осушил свой кубок и предложил:

– Надо восстановить печать и подбросить свиток в библиотеку. И всё, с нас хватит. Мы больше не участвуем в этом деле.

– Нет, – покачал головой Приск. – Во-первых, теперь так просто нам не выпутаться. Наверняка кто-то заметил либо тебя, либо меня, либо Мевию – и рано или поздно дознается, что мы видели свиток. Тот, кто его похитил, – не сторонник указанного в завещании наследника.

– А может... подбросим завещание настоящему наследнику? – предложил опять же Фламма. Он первым влез в это дело, но теперь ему очень хотелось соскочить с опасно разгоняющейся колесницы дворцовой интриги.

– Мы испортили завещание и, возможно, уничтожили его надежды... Думаешь, этот человек будет рад? – поинтересовался Приск.

Кука опять почесал голову. Фламма съежился.

– Значит, мы – ненужные свидетели, – пробормотал библиотекарь.

– Именно. Мы мешаем всем, кроме одного человека. Адриан – наш патрон, и мы должны ему помогать. А значит – обязаны предупредить о том, что его расчеты на наследство неверны.

– Что ты предлагаешь?.. – спросила Кориолла, и голос ее дрогнул.

– Я отправлюсь в Сирию к Адриану и отвезу ему украденное завещание.

Кука присвистнул.

– Сильно, – сказал Фламма. Он любил неожиданные выражения.

– Значит, ты все-таки едешь... – прошептала Кориолла.

До последнего она надеялась, что Приск откажется от этой затеи. Зачем, зачем ему нужен этот поход? Разве мало он отслужил в легионах? Мало воевал? Средств у них достаточно – во всяком случае пока...

– Я уже получил назначение военным трибуном, – напомнил Приск.

– Но я просила тебя отказаться!

– Это невозможно.

– Просто ты рад, что так вышло, – язвительно заметила Кориолла.

– Чему рад?

– Ты жаждал уехать, и ты уезжаешь. Теперь не можешь не ехать...

Кориолла замолчала, кусая губы.

– Да, мой отъезд на Восток к наместнику Сирии Адриану вполне закономерен, – объявил Приск. – Траян выступает осенью или зимой – я просто отправлюсь чуть раньше. И мне всего лишь надо убедительно обосновать то, что я выеду на месяц или два раньше.

– Всего лишь... – покачал головой Кука. – Император готовится к кампании на Востоке обстоятельно. Как ты думаешь, никому не покажется подозрительным, если ты покинешь Рим прежде императора и поскачешь к Адриану сломя голову?

Приск задумался.

– У меня есть причина. Я поеду не к Адриану, а к Плинию, наместнику Вифинии.

– Это еще зачем? – изумилась Кориолла.

– Он сам просил меня приехать к нему в Никомедию ²⁶ и опознать раба Калидрома. Вот и повод...

– Калидром? Это кто? – не понял Кука.

– Один мордатый грек, личный пекарь наместника Лаберия Максима. Он еще достал нас в Эске со стеклянными кубками для наместника. Неужели не помнишь?

– А нужно?

– Неважно... Я лично помню. Так вот, Плиний пишет – что Калидром – лазутчик Децебала и Пакора.

– погоди! Ну конечно! – хлопнул себя по лбу Кука. – Лазутчик даков! Так бы и сказал! Я всегда подозревал, что этот парень – еще тот подонок. Уверен, не было никаких кубков, он попросту шпионил, вызнавая, сколько народу в лагере Пятого Македонского легиона. Недаром наш лагерь атаковали в ту зиму так яростно. Он только забыл сообщить, что в лагере остался наш славный контуберний, который стоил целой центурии.

– Вот и повод отправиться на Восток до срока, – сказал Приск. – Никто ничего не заподозрит. А уж потом мне будет совсем не резон возвращаться в Рим, и я напрямик поскачу в Антиохию к Адриану.

– Сильный план! – воскликнул Фламма.

– Стой! Стой! Стой! – замотал головой Кука. – Все это хорошо, и даже возможно, ты доберешься до Антиохии без особых приключений. Но!.. – Кука поднял палец. – Есть как минимум два очень даже могущественных господина, которые очень сильно интересуются завещанием. Мы не знаем, кто они. Но уверен, эти люди захотят с нами пообщаться. И прежде всего с человеком, который поедет в Антиохию.

– Тогда мы должны найти их и пустить по ложному следу, – предложил Приск.

– Замечательное предложение. Только как его воплотить в жизнь? – спросил Кука.

– Я бы начал с того... Ты завтра дежуришь, Кука? – вдруг осенило Приска.

– Нет...

– Опять нет? Как тебе это удастся?

– Ты недоволен? – хмыкнул преторианец.

– Напротив. Это просто великолепно. Отправишься в библиотеку и от имени городского префекта спрашиваешь – кто что видел и кто что знает. А уж когда выясним – кто именно охотился за свитком, тогда и прикинем, что нам делать. Кстати, я уже отправил письмо Тирегию с просьбой как можно скорее приехать в Рим.

– Умно, – кивнул Фламма.

– Рад, что ты оценил... – саркастически усмехнулся Приск.

– Значит, я завтра отправляюсь в библиотеку... – проговорил Кука. – А ты, Фламма, что намерен делать?

– Я ранен и останусь здесь, у Приска, выздоравливать.

– Почему у меня? – удивился хозяин.

²⁶ Никомедия – столица провинции Вифиния, где находилась резиденция наместника.

– Лягу спать в библиотеке и сторожить свиток.

– Вообще-то я собирался спать в библиотеке рядом с сундуком, – сказал Приск. – У меня есть складная кровать.

– Будем почивать на ней по очереди, – предложил Фламма. – А у тебя наверняка найдутся дела поважнее, чем сторожить свиток. Ведь ты должен готовиться к срочному отъезду на Восток.

– Я тоже останусь здесь сегодня, – решил Кука. – Если вас выследили, то за пергаментом явятся нынешней ночью. Не днем же они полезут в дом. Так что надо подготовиться к штурму.

– Мне все это не нравится, – сказала Кориолла. – Наш дом будут штурмовать?

Приск улыбнулся, с гордостью глядя на жену. Другая бы металась по дому в истерике, рвала на себе волосы и одежду, визжала, призывала богов и во всех бедах винила неразумного мужа. Кориолла же сохраняла завидное присутствие духа. Правда, Гай подозревал, что, оставшись с ним наедине, она устроит небольшую бурю. А сейчас лишь копит гнев, и Гай заранее содрогался, предчувствуя домашний шторм.

– Кориолла, дорогая наша хозяйка! Мы отбили атаку бастарнов на Эск! Неужели мы не сможем защитить твой дом! – несколько легкомысленно заметил Кука.

– Ну, возможно, один штурм мы отобьем... Но что будет с нами потом... – проговорил Приск.

– О чем ты? – Голос хозяйки дрогнул.

– Кориолла, милая, тебе надо срочно уехать из Рима. Завтра, пожалуй, мы не успеем нанять повозку. Да и на сборы уйдет дня два. Но через три дня ты уезжаешь. Луций Кальпурний Фабат и Кальпурния Гиспулла ²⁷ звали тебя с детьми к себе в поместье на лето. Ты же знаешь: после того как Плиний увез с собой жену в Вифинию, у них в Комо тоска. В прошлом году тебе понравилось у них – в Комо чудесно в это время. Они уже дважды писали мне и просили тебя с детьми приехать. Думаю, сможешь там остаться на год. А то и больше.

– Что? – Кориолла привстала. Голос ее зазвенел. – Мало того что ты сам едешь неведомо куда, так и меня отправляешь в ссылку? Уехать на год из Рима?! Бросить наш дом!

Фламма невольно втянул голову в плечи, а Кука не очень уверенно хмыкнул.

Приск понял, что этот бой ему придется вести в одиночку.

– Кориолла, воробышек, как ты можешь говорить такое? Я предлагаю тебе пожить с детьми на берегу красивейшего озера в окружении людей наидостойнейших. Я буду писать. Плиний станет слать письма. Вон Фламма, он каждый месяц будет отправлять тебе по письму... – Фламма охотно закивал. – Наш Гай еще мал, чтобы думать о его образовании, а малышка Флорис вполне может посещать местную школу.

– Вообще-то я собиралась отправить детей в Комо к Кальпурнии, а сама поехать с тобой в Антиохию, – заявила Кориолла.

– Сильно... – шепнул Фламма.

– Куда уж сильнее... – не удержался от комментария Кука.

– Антиохия – не место для порядочной матроны, – сказал Приск, как ему показалось, очень решительно.

Но, похоже, так показалось только ему.

– А сам ты чем собираешься заниматься в Антиохии, дорогой супруг? – гневно изломила бровь Кориолла.

– Я буду готовить легионы к сражениям и воевать!

– В Антиохии? – прищурилась Кориолла.

– В Парфии.

²⁷ Луций Кальпурний Фабат – дед третьей жены Плиния, декурион в Комо. Кальпурния Гиспулла – ее тетка, воспитавшая рано осиротевшую Кальпурнию, третью жену Плиния.

Разумеется, он мог бы взять с собой Кориоллу. Но не дальше Антиохии. Но ведь он сам не будет сидеть в столице Сирии всю кампанию. Дальше его поведет дорога войны. Кориолла останется одна. Антиохия же – не то место, где можно оставить в одиночестве молодую женщину. Если, конечно, не хочешь потом решать дилемму – поднимать с земли или не поднимать крошечный сверток, который положила у твоих ног повивальная бабка. И при этом спешно прикидывать в уме: а сколько времени ты не ложишься в постель со своей супругой – девять месяцев? Или все-таки десять?

– Милая Кориолла... – откашлялся Кука и заговорил сладостно и льстиво: – Война с Парфией – это такая морока... Там можно застрять и на два года, и на три. А то и больше. Сама подумай, как ты можешь расстаться с детьми на три долгих года? Через три года нашей красавице Флорис пора будет подыскивать жениха²⁸ – кто этим займется, если ты уедешь вместе с Гаем?

Он очень расчетливо ударил по самому больному месту.

Кориолла залилась румянцем, глаза ее заблестели от слез. Она хотела ответить, но не смогла.

– Я должен знать, что ты и дети наши в безопасности, – спешно добавил Приск. – Возьмешь с собою Прима и Галку. Нет, Галку оставишь здесь за привратника вместе с Борисфеном – все равно, что от одного, что от второго в дороге толку нету. Артемон у меня давно выпрашивал сосед, вот и позволим ей идти в услужение и копить деньги на выкуп. А я сейчас же напишу в Кома...

Кориолла надула губы, но спорить далее сочла бесполезным – Приск прав, ей в самом деле лучше покинуть Рим.

Итак, решено было срочно готовиться к отъезду, а Куке поручили заглянуть в библиотеку и разузнать, что же на самом деле там случилось. Сам же Приск решил повидаться с Декстром – бывший центурион фрументариев, готовый вот-вот вернуться на службу, наверняка был в курсе если не всех, то многих интриг. Не говоря о том, что Декстр слыл в Риме человеком влиятельным и очень богатым.

Что касается свитка с завещанием, то друзья договорились спать по очереди и караулить дом, при этом кто-то должен был находиться в библиотеке подле запертого сундука.

После того как Прим впустил в дом подгулявшую прислугу, хозяин обошел все помещения, лично проверяя, заперты ли двери и ставни. Рабам, как всегда в летнее время, разрешили улечься в колоннадах перистилия – не жарко, и от внезапного дождя есть защита. Но если кто пожалует незванный, то непременно наткнется на спящего, если попытается добраться до библиотеки и сундука.

Однако ночь прошла спокойно. Скорее всего, таинственный противник еще не ведал, кто завладел свитком с завещанием. И потому бездействовал.

Глава III

ИНТРИГА ЗАВЯЗЫВАЕТСЯ

Лето 866 года от основания Рима

Рим

Несмотря на принятые меры, в эту ночь Приск почти не сомкнул глаз. Первую ночную стражу он уступил Куке и улегся на складной кровати в библиотеке, но никак не мог попасть в объятия Морфея и все ворочался с боку на бок. Неотвязные мысли вертелись в голове, не давали заснуть. Он злился то на Судьбу, что так внезапно впутала его в это отчаянное дело, то на Фламму, который выступил слепым, но очень опасным оружием Фортуны. Злость эта

²⁸ Девочек в Древнем Риме зачастую обручали в очень юном возрасте.

кипела, не находя выхода, винить Судьбу, Фламму, Адриана бесполезно – отступить уже не было никакой возможности. Оставалось только одно – двигаться вперед. А куда приведет эта кривая и опасная тропка, неведомо даже богам.

С другой стороны, Приск был уверен, что Адриан без боя ни за что не отдаст империю в чужие руки – не для этого он плел интриги и вел в бой Первый легион Минервы, не ради сомнительного избранника рисковал жизнью и проливал кровь – свою и чужую. Траян был его боевым разящим клинком; а дакийская добыча и дакийские копи – деталями сложного плана, фундаментом грядущего золотого века. С помощью найденных в горах сокровищ Адриан собирался обеспечить безбедное существование Рима на многие годы вперед. Но раз фундамент заложен, пора возводить стены, а не рыскать в горячих степях в поисках новых врагов. Но как ни старался проявлять чудеса отваги легат Первого легиона Минервы, император продолжал питать к своему племяннику скрытую антипатию. Вслед за краткими периодами благосклонности непременно наступала полоса отчуждения. И вот найденный Фламмой пергамент свидетельствовал – все труды Адриана, его друзей и клиентов пошли прахом.

Возможно, Адриан с его недюжинным умом мог бы придумать какой-то неожиданный выход. Но он еще прошлой осенью выехал из Рима, чтобы зимой принять в Афинах титул архонта и сделать указания о ремонте Эгнациевой дороги, а затем переправиться в Сирию – где ему, новому наместнику провинции, предстояло обеспечить базу для предстоящей Парфянской кампании. Фураж, зерно, оружие, дороги – все должно быть готово к тому моменту, когда Траян отправится на Восток, чтобы окончательно сокрушить последнего и самого опасного врага Рима.

Перед отъездом нового наместника из столицы Приск виделся с Адрианом. Новый наместник Сирии был мрачен, раздражен и зол. Он пил неразбавленное вино (хотя обычно надирался лишь в обществе Траяна – по необходимости), ругался сквозь зубы и даже не скрывал, что ненавидит новое назначение. Нет, он не печалился, что уезжает из Рима: Адриан любил путешествия, коллекционировал новые впечатления, как другие собирают греческие скульптуры и вазы. Афины же, как и все греческое, он обожал до сладостной немоты, до восторженной дрожи – недаром его кликали гречонком. Да и против поездки в Антиохию новый наместник ничего не имел – непоседа, бродяга в душе, он мечтал объехать все владения Рима от края до края. Другое тревожило: грядущая война казалась Адриану ненужной. Никто не спорит, Парфия слаба и раздроблена. В Риме даже не ведают, кто именно в этот год сидит на золотом троне в Ктесифоне ²⁹ – Пакор, Хосров или Вологез. Узнавали только по чеканке монет, кто же сейчас владеет монетным двором в парфянской столице. Но Адриан полагал: о новых договорах можно спорить с Пакором, или Хосровом, или Вологезом до хрипоты. Можно подкупать союзников и грозить врагам, можно стравливать претендентов друг с дружкой, обещать признание одному, намекать на дружбу другому... Но начинать новую кампанию в стране, которая всегда была чужда римскому духу и опасна для римских легионов, после столь блестящей победы в Дакии Адриану казалось нелепым – и это было еще мягко сказано. Парфию можно завоевать, но удержать – невозможно. Призрак Красса и его мертвой армии витал над этими землями ³⁰.

С той последней встречи Гай Приск отправил Адриану в Антиохию несколько писем и получал от наместника краткие сухие ответы. Пока что все складывалось не слишком хорошо. Похоже, Хосров таки сумел одолеть Пакора и провозгласил себя царем царей. После чего Хосров низложил армянского царя Аксидара и заменил братом низложенного – Партамазирисом. Язык можно сломать, выговаривая эти чуждые римскому слуху имена. Какую выгоду приобрел от этой замены одного брата другим Хосров, никто пока в Риме не ведал. Но сам факт, что парфянский царь царей вмешивается в дела Армении, которую Рим всегда считал своей

²⁹ Ктесифон – столица Парфии.

³⁰ В 53 году до н. э. Марк Лициний Красс потерпел поражение и погиб вместе с сыном в битве при Каррах.

зоной влияния, должен был и оскорбить Траяна, и разозлить. Рим не отказывался от притязаний на Армению даже в самые тяжелые годы, в периоды гражданских войн и поражений. Так с какой стати теперь, когда Траян находится в зените славы, уступать слабому и недостойному парфянскому владыке свои права? Все полководцы и приближенные Траяна с восторгом говорили о предстоящей кампании. Особенно усердствовал Сервиан, зять Адриана. После смерти Луция Лициния Суры этот человек изо всех сил втирался в доверие к императору, занять место Суры – стало его целью. Рассудительному Лицинию Суре никогда не было нужды доказывать свою незаменимость. Только Сура мог бы отговорить Траяна от новой кампании. Увы, уже не мог... А Сервиан, Нигер, Корнелий Пальма, Лузий Квиет – все они составляли партию войны, а другой после отъезда Адриана на Восток, похоже, вообще не осталось.

Так что неясность теперь оставалась в одном: когда же новая война начнется – в этом году или поход отложат до следующей осени. Но не это тревожило теперь Приска. Проклюнулась новая и куда более важная проблема: как отнесется Адриан к известию, что Траян оставит империю не ему. Новый наместник Сирии столько сделал для победы Траяна, что гнев и обида попросту могут застить разум проигравшему. Вспыльчивость Адриана была известна не только Приску. Что, если поддавшись гневу, Адриан попытается поднять мятеж в восточных провинциях? В распоряжении наместника сейчас достаточно легионов, чтобы выступить против Рима. Другое дело, что ни один офицер – да и солдаты в подавляющем большинстве – не повернут оружие против обожаемого Траяна, наилучшего принцепса, победителя даков!

А буде такая попытка случится, наместник Сирии тут же свернет себе шею.

Так что еще одной задачей Приска станет – не позволить Адриану совершить безумный шаг в первом порыве ярости.

А военный трибун не был уверен, что у него хватит на это сил. То есть – он был как раз уверен в обратном. Так что Гай проворочался на походной кровати две стражи, пытаясь представить свою встречу с Адрианом, подыскивая доводы и не находя их, засыпая лишь на несколько кратких мгновений и тут же пробуждаясь. Поднялся он сменить Куку с большой головой и тяжестью на душе.

* * *

Зато Кука тут же упал на кровать и забылся сладким сном младенца. Преторианец умел отрешаться от бед, едва голова касалась подушки. Сладкое посапывание вызывало острую зависть, и Приск спешно выскочил в перистиль, обошел садик, вернулся в библиотеку, вновь вышел... Так и бродил он, нарежая круги под светлеющим небом.

Потом с удовольствием растолкал Куку:

– Преторианец! Пора ловить вора! – гаркнул в самое ухо.

Кука вскочил.

Верно, решил, что он по-прежнему в лагере Пятого Македонского и проспал побудку.

Сообразив, что находится в Риме и даже не в казарме, ругнулся незло, попытался завалиться обратно на койку, был извлечен довольно грубо и направлен в сторону домашних латрин³¹ несильным тычком в спину. Кука не любил вставать рано – особенно в те дни, когда не нес караул на Палатине или в Городе, но в то утро он вышел из дома Гая до истечения первого послерассветного часа. Дело есть дело. Вызвался – исполняй!

И вот преторианец уже шагает по улицам к новому Форуму. Оглядывается – не увязался ли кто следом. Нет, подозрительных личностей не видать.

Проходя по еще полупустым улицам, он замечал у закрытых дверей толпы обряженных в старенькие тоги граждан – клиенты ожидали, когда их допустят в дом приветствовать хозяина.

³¹ Латрины – уборная.

М-да, вот, к примеру, Приск, хотя и всадник ныне, и умен, и наградами не обижен, но у него по утрам в вестибule народ не толпится, умоляя о протекциях и подачках.

Потому что Приск миллионами не ворочает. Не может сыпать медь и серебро в протянутые ладони. Когда Кука уходил, только Борисфен улегся у входа, всем своим видом сообщая, что он на страже.

Улегся и тут же заснул.

А Город просыпался.

Открывались лавки, пекари выкладывали вкусно пахнущие горячие хлеба на мраморные прилавки. Сонные рабыни наполняли у фонтанов кувшины. Обычный день столицы.

На Форуме Траяна уже собирался народ – намечалось разбирательство, и каждая сторона притащила с собой толпу зевак – хлопать юристам и орать, заглушая речи соперника. Кука постоял немного, наблюдая за толпой и пытаясь определить, нет ли среди собравшихся какой-нибудь подозрительной личности. Никого особенного не заметил и отправился в библиотеки.

Ему повезло – один из тех мальчишек, что нашли убитого Паука, сейчас трудился в латинской библиотеке, приклеивая полоски пергамента с надписями на футляры. По таким пергаментным хвостикам можно без труда отыскать нужную книгу, не открывая сам футляр. Разор, устроенный похитителями накануне, уже ликвидировали. Или почти ликвидировали. Прежде окровавленный мозаичный пол был вымыт до блеска. А вот футляры со свитками еще лежали на столе, не водворенные на место.

Увидев Куку, парнишка сразу сообразил что к чему, отложил кисточку с клеем и выпрямился. На вид ему было лет четырнадцать, но, судя по живому взгляду, паренек смысленый.

– Ты Харин? – спросил Кука (Приск запомнил имена рабов и сообщил товарищу).

– Он самый, господин. – Мальчишка по-прежнему смотрел выжидательно.

– Ну-ка, Харин, расскажи, что ты знаешь про вчерашнее убийство, – потребовал Кука у мальчишки-раба. – Меня послал городской префект лично разобраться с этим делом, – добавил он, принимая самый грозный вид.

– Ничего-ничего не знаю, господин, – испуганно затараторил пацаненок. – Паука убили, крови натекло – ужас. Весь вечер замывали. Я вот тунику измазал, едва пятно потом отмыл. А туника у меня всего одна.

– Отвечай честно. Не будешь юлить и обманывать – получишь серебряный денарий. – Кука показал монету.

У мальчишки вспыхнули глаза.

– Я все-все расскажу, господин, только спрашивайте.

– Ты убийцу Паука видел?

– Видел, видел, господин. Только мертвого – во дворе. Мы с Деоклом и Квадратом бегали смотреть, много ли крови натекло. Говорят, его один смелый центурион убил. Этот центурион – настоящий герой, его статуя у нас в галерее есть. Деокл сегодня одного господина водил к этой статуе за один асс. И я могу...

«Плохо дело, на Приска теперь каждая собака укажет».

– А прежде, еще живым, этот убийца сюда не заходил?

«Дурацкий вопрос, – подумал Кука. – Мертвым уж точно он сюда никак не мог прийти».

– Нет, господин. Откуда? – Кажется, первый испуг прошел, парнишка понял, что ему ничто не грозит.

– Может быть, он позавчера, допустим, заглядывал потолковать с Пауком. Или три дня назад... или четыре?

– Нет, господин, н-ни разу. А три дня назад приходила очень красивая и богатая матрона и долго-предолго болтала с Пауком, – охотно сообщил Харин. – У нее с собой был мальчишка-раб, весь завитой, нес вышитую подушку, и, когда матрона захотела сесть, он эту подушку на стул положил. А на ногах у нее золотые сандалии и расшиты жемчужинами. А

когда она села, подбежала служанка, рыжая такая девчонка, ужас какая противная, мне еще язык показала, и стала ей на ноги брызгать водой с шафраном.

– И как эта матрона выглядела?

– Красивая... Платье ярко-оранжевое, будто солнце. А накидка прозрачная, ну точно стекло. Но только цветное стекло – голубое такое с зеленью. И узор по краю. Деокл еще сказал – если б она потеряла свою накидку, а кто-нибудь из нас нашел, мог бы из рабства выкупиться. А ты, господин, подаришь мне второй серебряный денарий за то, что я так хорошо тебе отвечаю?

– Подарю, вымогатель. Только скажи, какой у матроны цвет кожи. Или волосы каковы.

– Про кожу ничего не знаю – она ведь вся была в белилах, ну там, где открыто... И шею, и грудь набелила. А когда по двору шла, над ней раб, здоровый такой, зонтик держал. Но волосы ее тебе зачем? И кожа?

– Хочу эту тетку найти.

– А-а-а... – ухмыльнулся мальчишка, как будто все понял – и даже то, зачем это Кука ищет богатую матрону. – Так я ее имя знаю.

– Откуда? – изумился Кука.

– Точно, клянусь Геркулесом. Ее один господин назвал, он тогда в библиотеке тоже был и сказал: «Приветствую тебя, Элия». Я точно расслышал.

– А чем она интересовалась?

– Свитки смотрела... – невинно заморгал Харин.

– Ну конечно, как я сам не догадался! – демонстративно хлопнул себя по лбу Кука. – Конечно, книги! Постой... Элия... Уж не жена ли Луция Цезония?

– Этого не знаю. Чья она и кому жена. А вот центурион вигилов³², что приходил прежде тебя, тоже про это спрашивал.

Кука нахмурился:

– А этого зачем сюда принесло?

– Утром явился, только-только рассвело... На Форуме еще никого не было. Но я ночью в библиотеке, потому в залы завсегда прихожу раньше других.

– Центурион был при оружии? И с вигилами?

– Да нет... – замотал головой мальчишка. – В плаще каком-то.

– А как выглядел?

– Да никак.

– То есть как это – никак? Лицо какое?

– Нос сломанный. И губы такие – разбитые и толстые. Как у кулачного бойца. И сам такой толстый... – обозначил руками размеры центуриона Харин. – Толстый, и руки толстые, и шея...

– Врешь! – оборвал его рассказы Кука. – Только что сочинил. Ты его не видел.

– Видел, но не разглядел. Да зачем мне на него глядеть? Центурион все-таки... Страшно.

Кука наклонился к самому уху мальчишки и сказал грозно, хотя и шепотом:

– Префект вигилов Титиний Капитон никого не присылал по этому делу в библиотеку. Ты видел сообщника убийцы.

Мальчишка испуганно ойкнул, прикрыл ладошкой рот в испуге и отпрянул.

– Так что хватит вранья, говори всё подробно, чтобы я поймал этого типа как можно быстрее. Или он тебя убьет так же, как убил Паука.

– Я его правда не рассмотрел... разве что – смуглый он, темный такой. И в плечах широкий. А роста большого.

– Черный?

³² Вигилы – ночная стража, пожарные.

– Нет, не нумидиец... посветлее. А больше ничего не заметил. Да... волосы курчавые. Он когда уходил, я ему вслед глянул. И уши увидел. На колбаски похожие. Я у боксеров³³ такие видел.

Кука бросил мальчишке в этот раз медный асс и уже хотел покинуть библиотеку. Но тут его осенило:

– А ты не знаешь, что за господин по имени назвал матрону? Ведь и она что-то сказала ему в ответ. Так ведь? Ну-ка, вспомни.

– А еще денарий дашь?

– Асс получишь. Или по уху. Выбирай.

Харин наморщил лоб:

– Она назвала его... назвала... Декстр. Точно – Марк Афраний Декстр.

Кука охнул.

– Он загорелый, а глаза как будто белые? – спросил почему-то шепотом.

– Точно. Волосы как солома. Но уже кое-где с сединою.

«Декстр. Бывший центурион фрументариев сунул нос в это дело – тут я готов поставить не серебряный денарий, а золотой аурей – он знает намного больше нашего. Это ясно. Вот бы понять, на чьей он стороне – Адриана или...»

Кука не стал заканчивать мысль. Надо не рассуждать, а скорее возвращаться и обо всем рассказать Приску.

Проходя по площади, Кука свернул к тому месту, где накануне лежало тело убийцы Паука. Место определил безошибочно: мальчишка раб из библиотеки, тот, что постарше, показывал зевакам на плиты и, размахивая руками, описывал происшествие. В двух или трех местах прожилки между белыми плитами так и остались бурыми. Кука послушал рассказ вместе с другими. Но без толку. В мифах о подвигах Геркулеса и то было больше правды.

* * *

– Дело принимает не самый худший оборот, – добавил Кука, передав Приску рассказ мальчишки.

Он так спешил, что даже запыхался. Сведения, собранные в библиотеке, буквально жгли. Приск сам только что вернулся домой – он договаривался об аренде повозки для жены. В доме царил кавардак – слуги укладывали вещи, Кориолла делала распоряжения – кто остается, кто едет с нею, что брать, что оставить. Своей порции инструкций дожидался управляющий мозаичной мастерской и раздавал рабам оплеухи – просто так, от нечего делать. Один Фламма валялся на складной кровати в библиотеке и раздумывал над тем, как притащить сюда настоящее ложе. Он предполагал, что пропустит «по ранению» дней пять-шесть, не меньше, и рассчитывал провести это время с комфортом – жизнь в столице развращает даже стойков, к каковым причислял себя бывший легионер, а ныне библиотечкарь.

Но сейчас было не до чтения свитков – друзья совещались в библиотеке, которая в доме считалась самой безопасной комнатой на предмет подслушивания. Кориолла, разумеется, не осталась в стороне, бросила собирать одежду и явилась на совет. Ее это дом, в конце концов, или нет?!

– Если в библиотеку приходила Элия, жена Луция Цезония, то она наверняка пыталась добыть завещание ради Адриана, – шептал Кука. – Ее сынишка Луций – копия нашего патрона. Полагаю, со временем бездетный Адриан его усыновит, и сейчас мамаша старается ради красивого будущего своего сыночка.

³³ Боксер, или кулачный боец (pugilatus), выходил на поединок, обмотав кулаки ремнями со свинцовыми пластинками. Посему вид у бывшего кулачного бойца был не слишком привлекательный.

– Откуда ты знаешь? – изумился Фламма. – Ну – я имею в виду про отцовство?

– Друг мой, я несусь караул во дворец, – с пафосом объявил Кука, – мне ли не быть в курсе самых свежих сплетен. Хотя эта сплетня уже застарела – пареньку лет одиннадцать. Так что пора беспокоиться о будущем чада.

– Если ты прав, то завещание из храма Весты похитила партия Адриана. И Великая дева на его стороне, – сделал Приск нехитрое умозаключение.

– Тогда что значит вся эта интрига?

Друзья устали на Приска, ожидая разъяснений. Как всегда.

– Ну... полагаю... Великая дева присутствовала при составлении завещания, – начал издали Приск, потихоньку соединяя факты друг с другом. – Траян собирается на войну – самое время назвать наследника. Так Великая дева узнает, что Адриан отстранен... Она пишет письмо Элии... Потом приносит свиток в библиотеку, спрятав меж другими... Элия нанимает поддельщика завещаний. Когда дело будет сделано, подправленный пергамент вложат в настоящий футляр и вернут на место. Изменить завещание в храме Весты невозможно... Говорят, там все друг за другом следят. Я вообще не исключаю, что подделкой должен был заняться Паук. Он ведь старая лиса – наверняка во многом был искусен. А то, что в библиотеке кто-то подчищает свиток или, допустим, переписывает, – никого не насторожит. Дня через три весталка снова прибывает в библиотеку и забирает пергамент... Так всё примерно могло бы выглядеть.

– Нет, Паук с таким пергаментом не справится. Тут только Посидоний сгодится, – с важным видом произнес Кука.

– Что за Посидоний? – заинтересовалась Кориолла.

– Не знаешь! Твое счастье. Это лучший поддельщик завещаний в Риме, – объявил Кука. – Только он умеет выскоблить пергамент и вписать новые имена так, что ни один даже самый острый глаз не заметит подделки.

– Об этом ты тоже узнал во дворце? – спросил Приск. И сам же ответил: – Разумеется.

– Из разговора парочки очень громкоголосых сенаторов, – уточнил Кука. – Эти дурни почему-то считают, что у преторианцев, как у рабов, напрочь отсутствуют уши.

– погоди! – Фламма аж подпрыгнул. – А вдруг пергамент уже поддельный? Вдруг там имя исправлено?

Друзья переглянулись и кинулись открывать сундук. Достали злополучный футляр. Долго рассматривали текст. Следов подчистки ни Фламма, ни Приск не обнаружили. Фламма даже потер имя наследника пальцем – но шероховатости не ощутил. Однако, кто знает – может быть, текст переписали заново?

– Нет, думаю, завещание подлинное... – не слишком уверенно заметил Приск.

– Ладно вам... Чего тревожиться? Ситуация не самая бедовая, – ухмыльнулся Кука. – У нас куча союзников. Великая дева на нашей стороне. Раз пергамент попал к нам – нам о нем и заботиться.

– Но кто-то еще знает о похищенном завещании... И наверняка пронюхал, что свиток хотели стащить ради Адриана, – напомнил Фламма.

– Судя по рассказам мальчишек, разноухивать в библиотеку приходил какой-то смуглолицый тип. Так, во всяком случае, сказал Харин, – ответил Кука.

– Может быть, он сказал «смуглолицый», потому что глядел на тебя? – предположил Приск.

– Пожалуй... – согласился Кука. – Парень явно не хотел говорить, кто же вынюхивал прежде нас. Проговорился в первый момент ненароком и потом старательно замазывал свою вину.

– То есть мы по-прежнему не знаем, кто пытался завладеть завещанием, – уточнил Гай.

– Я одного не понимаю, – покачала головой Кориолла, – зачем подделывать пергамент сейчас, если через пару месяцев император с приближенными покинет Рим, и провернуть аферу с завещанием будет гораздо проще.

– Возможно, тот, кто все это затеял, сам вот-вот покинет столицу вместе с императором, – задумчиво произнес Приск. – Я даже не исключаю, что за всем этим стоит жена Траяна Плотина – она всегда благоволила к Адриану.

– Плотина непременно отправится вместе с императором на Восток. И Плотина, и племянница Траяна Матидия. Вот только сестра императора Марциана никуда не поедет, потому как очень плоха, говорят, не доживет до весны, бедняжка, – похоже, Куке доставляло удовольствие само произнесение столь громких имен – император, его супруга, сестра, племянница... Кука и сам, похоже, чувствовал причастность к столь блестящему кругу.

– Мы даже не знаем, что за Элия приходила в библиотеку – жена Цезония, или какая-то другая матрона, или ряженая девка, которая выдавала себя за матрону, – вздохнул Приск.

– Но мы точно знаем, что с этой матроной в библиотеке встречался Декстр, – сказал Кука.

– Что?! – завопили и Фламма, и Приск разом. – И ты молчал?!

– Я хотел обо всем рассказать по порядку.

Приск спешно запер пергамент назад в сундук. После чего крикнул Артемону – чтобы принесла его уличный плащ, который накануне стирали.

– Что ты хочешь сделать? – обеспокоился Кука.

– Я сейчас же отправляюсь к Декстру. За тобой никто не следил?

– Не заметил. Я кружил по Городу лишних полчаса. На улицах уже полно народу. Любая псина потеряет след. А зачем тебе Декстр? – Кука занервничал.

– Я же беру с собой его сына! Вот приду и скажу: если его мальчишка хочет ехать со мной в Парфию, пусть собирается, мы в ближайшие дни выезжаем. А заодно выясню, что ему известно по этому делу, – если смогу, конечно.

– Ты что-то выпытаешь у Декстра? Ну-ну... погоди! Уезжаешь? Уже? Мы же Кориоллу отправляем. Когда едешь?

– Послезавтра – в крайнем случае, выедем как будто вместе с Кориоллой из дома, а потом разделимся.

– Так рано?

– Наоборот – поздно. Нас могут опередить. А ты, Кука, остаешься здесь в доме и...

– Останусь, конечно. Но учти – я стою третью ночную стражу на Палатине, так что ночью пусть караулит Фламма. Я приду утром и сменю нашего библиотекаря.

* * *

То, что Приск, бывший центурион и бывший префект, перейдя во всадническое сословие, решил сделаться военным трибуном, не казалось странным, хотя обычно эти должности искали в более юном возрасте. После того как на Рим пролился золотой дакийский дождь и столица просто изнемогла от устроенных в честь победы игр, многие кошельки опустели. Удивительно, как быстро исчезают золотые ауреи в этом Городе. Приск не был исключением: проживший почти все взрослые годы на границе, он не представлял, сколько стоит жизнь в столице, и половина добычи и наградных денег исчезла в первый же год после возвращения из Дакии. Ремонт возвращенного отцовского дома потребовал огромных средств. Но все же Приск сумел сделать неплохие вложения, купив мозаичную мастерскую. Но доходы от нее не покрывали и половины нужд городской жизни. Так что на оставшиеся ауреи планировалось приобрести поместье – как дополнительный источник дохода. К тому же в конце лета в Риме всякий год начинала свирепствовать опасная лихорадка, и люди побогаче, да еще с детьми стремились покинуть Город. Хорошо, что Кориоллу готовы были принять родственники Пли-

ния. Но набиваться в гости к кому-то из милости каждый год Приску претило до чрезвычайности.

Да, да, маленькое поместье просто необходимо... А можно и большое, если в Парфии ему так же повезет, как повезло в Дакии.

«Э, приятель, не лги самому себе... – размышлял Приск, проталкиваясь по запруженным народом римским улицам. – Добычу тебе Фортуна не гарантировала. А на Восток ты стремишься не ради золота, а чтобы вновь испытать свои силы, доказать, что от тебя еще что-то зависит... Мастерская – это хорошо. Дом – отлично... Семья – ну, семья бесценна... Но ничто не заменит тебе ощущения, что от тебя лично зависит судьба империи. И пусть таких, как ты, – сотни и тысячи, все равно именно твой неверный или, наоборот, верный шаг определит будущее. Возможно, в этом походе ты больше потеряешь, чем добудешь, возможно – погибнешь... но ты жаждешь отправиться в путь. И ничто тебя не остановит...»

* * *

Афрания Декстра Приск всегда опасался.

Когда-то центурион фрументариев обвинил юного Гая в предательстве, потом произошло внешнее примирение, и даже – вот ирония судьбы – Приск и его друзья были обязаны Афранию жизнью, когда обнаружили клад Децебала в горах Дакии. Но все равно назвать Декстра своим другом Приск никогда бы не решился. Скорее, они были союзниками, поскольку оба числились людьми Адриана.

Хотя и за это союзничество Приск поручиться не мог – Афраний вполне мог вести двойную игру.

Однако, когда Приск появился в доме Афрания без приглашения и без предупреждения, хозяин тут же его принял. Можно сказать, принял радушно, хотя Декстр был несколько озадачен, услышав, что его приемный сын отправляется на военную кампанию немедленно. Много лет Декстр числился формально снабженцем хлебом, а на самом деле – тайным агентом. По римским меркам – агентом очень ловким. С недавних пор он оставил службу, женился и занимался делами – сын консула, он без труда смог бы войти в сенаторское сословие, если бы отслужил как положено, не центурионом, а трибуном-латиклавием и после этого занял должность квестора. Но теперь ему становиться квестором было по меньшей мере нелепо. Когда человеку далеко за тридцать, унижительно взбираться на первую ступеньку карьерной лестницы. Но Траян вот-вот должен был отправиться на войну, посему Афраний вновь собирался надеть шлем с поперечным гребнем.

– В Вифинию? – переспросил Декстр, когда Приск рассказал о грядущей поездке.

– Все равно мне так и так придется ехать через Эфес, – заметил Приск. – А Плиний обещал оплатить дорогу до Никомедии. Мне бы хотелось немного сэкономить на поездке.

– Хочешь сказать, ты опять без денег? – делано изумился Декстр.

Видимо, он считал, что несколько золотых кубков из клада Децебала должны были обеспечить Приска на всю оставшуюся жизнь.

Право же, когда отец оставляет тебе в наследство десятки миллионов сестерциев, денежные проблемы кажутся такой мелочью. Совсем другое дело, если ты был беден и привык оперировать сестерциями, а не их миллионами. Внезапное богатство сбивает с толку. Миллион сестерциев кажется невероятным богатством – но лишь до тех пор, пока ты не приехал в Рим.

– Может быть, тебе дать в долг? – насмешливо поинтересовался Декстр.

Приск отрицательно покачал головой.

– Или у тебя какой-то тайный план?

Кажется, Приск переоценил свои силы, когда решил как бы исподволь вызнать, что известно Декстру и на чьей стороне фрументарий. Да уж, задачка не просто трудная – а наи-

сложнейшая. К тому же сволочная натура Декстра в любой момент могла вырваться наружу – то ли вспышкой ярости, то ли ядовитой насмешкой, то ли маской ледяной надменности. Приск всегда питал к этому человеку смешанные чувства: центурион Декстр был смел, умен, проницателен, но одновременно – бездушен. Приску как-то подумалось, что, получи этот человек куда больше власти – стань легатом или наместником провинции – он бы превратился в настоящего зверя. Возможно, сам Декстр знал за собой это качество и посему на военной службе оставался тем, кем уже много лет знал его Прииск, – центурионом. Но после окончания Второй войны с даками он покинул армию и переехал в Рим – тем более что по завещанию получил огромное состояние.

– Я направляюсь в Вифинию не просто так... – многозначительно заметил Приск и умолк.

– Вот как? – В светлых глазах Декстра не отразилось ни намека на любопытство. – Зачем же ты едешь к нашему доброму Плинию?

Приск еще помедлил, ожидая очередного вопроса, но так и не дождался. Тогда он рассказал о письме Плиния и просьбе опознать Калидрома, бывшего пекаря бывшего наместника провинции Нижняя Мезия. Общась с Декстром, Приск многому научился. Прежде всего – умело выдавать мелкие происшествия за значительные. А значительные представлять почти не имеющими значения. На этих двух опорах строятся политика и многие карьеры.

– Неужели спустя много лет ты собираешься опознать какого-то раба, которого видел-то мельком в таверне в Эске? – недоверчиво хмыкнул Декстр.

– Ты забыл, что Мнемозина³⁴ ко мне благосклонна, – невозмутимо ответил Приск. – Я могу хоть сейчас нарисовать портрет этого пекаря. И – кстати – эта моя способность значилась в моем военном деле.

– Рисуй! – Декстр выложил перед гостем восковые таблички.

Приск на мгновение закрыл глаза, потом взял стиль и набросал на воске голову упитанного бородатого грека. Таким он видел Калидрома зимой в Эске – совсем незадолго до рейда на Нижнюю Мезию бастардов и роксоланов. Что лагерь Пятого Македонского тогда устоял, даже спустя много лет Приск почитал чудом и даром Фортуны.

– Значит – Калидром... – Декстр внимательно разглядел рисунок. – Если этот пойманный Плинием беглый раб – Калидром, то он все эти годы провел при дворе парфянского владыки и многое видел там в Ктесифоне. Этот человек для нас ценен. Очень ценен.

Декстр поднялся и прошелся по табличку. После смерти отца он не раз говорил, что перестроит дом, но год за годом ничего не менял. Как будто каждый день наслаждался тем, что живет в покоях человека, которого больше всего на свете ненавидел и которому был обязан всем – и жизнью, и богатством. В этом плане у Приска с Декстром выходило много общего. Правда, своего убитого преторианцами отца Приск уважал и обожал, но предатель и доносчик, побывав в его доме, оставил повсюду свой мерзкий след навсегда.

– Можно приказать наместнику Плинию отправить беглого раба в Рим, – решил Декстр.

Занятно – Декстр озвучил мысль, высказанную перед Мевией самим Приском. Но этот вариант уже не входил в планы Приска.

– Видишь ли, опознать его под силу только мне. Но я в ближайшее время отправляюсь на Восток. Что, если раба пришлют в Рим, а я к тому времени отбуду с армией в Сирию? Какой толк будет в этом переезде? Калидром либо сгинет, либо его пристроят на какие-то работы. Но мы ничего ценного не узнаем.

– Пытка развяжет ему язык. Иногда в пытке бывает толк. – Декстр улыбнулся так, будто лично собирался пытать Калидрома.

– Если это тот самый человек, – уточнил Приск. – А если нет?

³⁴ Мнемозина – богиня памяти.

«О, боги, – сам же про себя отметил, – как я научился ловко выворачиваться. Я когда-то почитал себя честнейшим человеком в Риме. И вот теперь этот честнейший человек...» – ему сделался противен весь этот разговор, и он замолчал.

«Но ты же хочешь, чтобы Адриан стал императором. Ты на многое готов ради этого... Потому что Адриан не просто хочет власти. Он хочет, чтобы наступил золотой век империи. В итоге ты похитил завещание – пусть и ненароком. И ты уже готов его даже подделать... или не готов?»

Декстр прищурился.

– Ха... Понимаю: хочешь сам допросить этого парня и в случае чего получить награду от императора. Ты ведь честолюбив, Приск? Так ведь?

Вдруг сделалось легко – отвечать о себе. Говорить о себе. Говорить правду.

– Ты даже не представляешь, насколько я честолюбив, – совершенно искренне ответил Приск. – И потом, почему я должен отдавать кому-то награду, если она по праву принадлежит мне? Только у меня, слава богам, есть подобный дар, значит, и награда моя! А?

– Хорошо. Думаю, ты прав... – Декстр после недолгих раздумий кивнул. – Но копию отчета, который пошлешь императору, отправишь мне.

«Я готов послать отчет только тебе!» – мог бы с легким сердцем ответить Приск. Но не ответил – потому что в свете вышесказанного такие слова прозвучали бы глупо.

– Хорошо, я пришлю копию отчета тебе, – сделал вид, что колеблется и подозревает Декстра в каких-то махинациях, уступил Приск. – Но мне бы взамен тоже хотелось получить кое-какую услугу.

Римлянин меняется благодеяниями, как торговец на рынке меняет овощи на медные ассы.

– Говори, чего хочешь.

– Тебе известно, какой армией будет командовать Адриан?

– Нет... – покачал головой Декстр.

Приск полагал, что в Парфию римляне пойдут двумя колоннами, как в Первую Дакийскую войну, и одна армия окажется под командованием наместника Сирии. Значит, и сирийские легионы будут под началом наместника...

– Ну... Я бы хотел стать военным трибуном в Шестом легионе Феррата.

– Ты уверен, что тебе там понравится?

– Отличный легион. Не ровня, конечно, Пятому Македонскому...

– Ну это как посмотреть! С Шестым Корнелий Пальма добыл Nabateyское царство быстро и почти без потерь.

– Главное, Шестой наверняка примет участие в походе, – подхватил Приск. – Да и твоему Марку начинать там службу не зазорно.

– Согласен. Добуду тебе назначение в Шестой легион. А насчет Марка учти – парень с червоточиной. Любой приказ переиначит, чтобы сделать по-своему. Своеволие непомерное. Так что будь с ним строг, не спускай дерзости.

На самом деле назначение Приск мог бы выпросить на месте у Адриана. Но Приску хотелось, чтобы приказ исходил от императора лично. Целиком зависеть от власти кого-то одного – слишком опасно. В какой-то момент это начинает напоминать рабство.

– Кстати, о Марке, – как бы между прочим, заметил Приск. – Надо же такому случиться – в день, когда мы встречались с ним и Мевией на Форуме Траяна, произошло убийство. Зарезали библиотекаря, мне пришлось заколоть убийцу.

– Слышал, – кивнул Декстр. – Мевия рассказала о твоём героизме в самых лестных выражениях. Но я не понял, из-за чего убийство.

«Вот оно!» – едва не закричал Приск.

В этот момент мысленно он воззвал к богам – как игрок, решившийся на самый отчаянный бросок. Потому что выиграть он мог, только если выпадут все шестерки – то есть Венера очко.

– Я тоже не понял, почему завязалась драка. Единственное, что успел шепнуть парень перед смертью, так это: «свиток Павсания». Что за свиток такой, и почему за него стоит убивать?! Да и не нашли никакого свитка на теле.

– Павсаний? Что-то не припоминаю среди известных авторов такого имени, – после недолгого раздумья сказал Декстр.

– Я тоже.

«В чью пользу он интригует?» – лихорадочно прикидывал Приск.

Такой человек как Декстр наверняка сохранил все нужные связи, даже уйдя в отставку. Вопрос в другом – на стороне ли он Адриана?

– Думаю, уже послезавтра у тебя будет назначение в Шестой легион, – пообещал Декстр. В некотором роде это обещание можно было считать за слова благодарности.

«Он в курсе, что на самом деле пытались похитить из библиотеки, – сделал нехитрый вывод Приск. – И он знает, кто такой Павсаний...»

– Но я рассчитывал выехать как раз послезавтра...

– Один день ничего не решит. Зато получишь назначение за подписью самого императора.

* * *

Кука устроился в библиотеке почти с комфортом. На стол, где обычно раскладывали пергаменты, он поставил кувшин разбавленного вина, тарелку с холодным мясом и хлебом, потом Галка, нерадивый раб, сумевший таки перебраться вместе со своим хозяином в Рим, притащил на складную походную кровать Приска дополнительные подушки. Все, что делаешь, делай так, чтобы получать удовольствие, – этот девиз был почти неисполним для новобранца Пятого Македонского, но подходил человеку, который служил уже семнадцатый год и из легиона перевелся в преторианскую гвардию.

В Риме у Куки не имелось постоянного жилья. Как преторианец он квартировал в казарме лагеря у Виминальских ворот. А когда случалось отлучиться в Город, то останавливался в доме у Приска.

Мышка, девочка-дакийка, которую Кука купил еще на Данубийском лимесе, сбежала через месяц, после того как хозяин сделал глупость и отпустил ее на свободу. Приск советовал не торопиться, дать девчонке вольную, только если та забеременеет, да и то когда станет приближаться срок родин, чтобы ребенок появился на свет свободным. Но Кука не слушал – твердил как заведенный, что девчонка его любит. Ну она и сбежала, прихватив из денежного сундука хозяина золотой кубок, оставшийся от дакийского клада, и с ними кошель, полный золотых монет. Кука как раз получил диплом с извещением, что его переводят в преторианские когорты, и собирался в Рим. Ну а Мышка собралась совсем в другую сторону – недаром подле их дома, как потом выяснилось, вертелся какой-то светловолосый парень, по всем приметам – варвар с северного берега Данубия, из тех, кому посчастливилось избежать плена и приспособиться к новой жизни.

Кука поначалу думал, что ее похитили, пустился в погоню, след привел его в Томы, и здесь в порту ему рассказали, что в самом деле видели девушку, похожую на Мышку, была она богато одета, с темнокожей девчонкой-прислужницей, и сопровождал ее молодой человек, белокурый красавец, в греческом плаще, но по манерам – скорее варвар, нежели грек. На похищенную девушка вовсе не походила – напротив, гуляла по рынку и щедро тратила золотые ауреи – потому и запомнили ее торговцы, что покупала она драгоценные шелка, изящные

башмачки, сундуки да ленты. И на шее у нее сверкало золотое ожерелье с жемчужинами. Кука чуть не выл от досады, слушая эти сплетни. Выходило, Мышка истратила всю его добычу от дакийской войны на тряпки да украшения. Мечты о поместье в Дакии, которое Кука надеялся приобрести, после того как выйдет срок его службы, рассеялись утренним туманом над бухтой. Где-то в этом тумане два дня назад исчез корабль, увозивший Мышку и ее спутника дальше на восток. Преследовать беглянку в Вифинии или Киликии у Куки не было ни денег, ни времени.

Сейчас, лежа на складной кровати, преторианец опять вернулся в мыслях к событиям пятилетней давности. Обида, досада, злость всколыхнулись внезапно так отчетливо и ярко, будто Куке только что сообщили, что Мышка взошла на борт корабля в Томах. Что ей было нужно! Любая на ее месте прыгала бы от восторга: свободная, едет в Рим вместе с будущим преторианцем! А в будущем – жена и хозяйка поместья. Никто не поймет этих женщин... никто и никогда...

Больше Кука рабынь себе не покупал. Да и нужды в том не было – в казарму преторианцев девку не приведешь, а в Городе была у него роскошная тридцатилетняя матрона, с которой он резвился в уютной экседре, в то время как муженек крепко дрых в супружеской спальне. Муженьку было почти семьдесят, его изводили ожирение и подагра, к супруге он не притрагивался уже лет пять, так что постельный голод она утоляла весьма яростно и так искусно, что Кука подозревал – график его караулов ловко сочетается с посещениями еще как минимум парочки особ мужского пола. Иногда он делал вид, что ему на это плевать, иногда ревновал и пытался выследить конкурентов, но безуспешно. Особая забава состояла в том, что, перед тем как оказаться в постели, матрона требовала, чтобы Кука в одной набедренной повязке выходил в перистиль, куда и она являлась одетая как кулачный боец – то есть в набедренной повязке из яркого шелка, с запястьями, обмотанными ремнями. После первого удара (Кука бил в четверть силы) она валилась с ног, потом вскакивала и вновь кидалась на любовника с кулаками. Кука легким тычком просто отбрасывал ее. Забава длилась до тех пор, пока матрона не выдыхала устало: а теперь в баню. Домашняя банька была к этому времени истоплена, и в жарком кальдарии³⁵ две рабыни (чудо какие пригожие и в постели весьма искусные – это Кука в свое время проверил) отмывали их от песка и пота, обряжали в легкие туники, и после изысканной трапезы наступало время боев на льняных простынях, пахнущих шафраном.

Посещения замужней матроны были весьма и весьма чреватые для Куки – там, где гражданскому ничего не грозило, военный мог получить по ушам очень даже пребольно. Помнится, Траян одного центуриона за то, что тот спал с женушкой военного трибуна, разжаловал и отправил в ссылку. Старичок, что дрых в хозяйской спальне, правда, не был военным трибуном (а если и был, то много-много лет тому назад), но Кука, обычно болтливый, об этом своем приключении старался держать рот на замке.

Детей матрона не рожала и никогда не беременела, так что любовным забавам отдавалась без всякой опаски. В конце концов Кука даже привязался к этой милашке и заказал искусному мастеру серебряное зеркало, на обратной стороне которого попросил изобразить себя со своей дикаркой. То есть совершенно обнаженными и предающимися любовным утехам. Что изумительно – женщине настолько понравился дерзкий подарок, что она не стеснялась пользоваться им прилюдно.

Однажды Кука, впав в ревниво-подозрительное состояние, умудрился заявиться в дом к любовнице без предупреждения. Что же он увидел? Его капризуля, обожавшая устраивать потасовки в полуголом виде, корпела над ткацким станком, как какая-нибудь Пенелопа, поджидавшая своего единственного обожаемого Улисса. Ткань на станке была не менее замечательная, нежели знаменитое полотно царицы Итаки, – ткань шло все вкривь, то уплотняясь

³⁵ Кальдарий – теплое отделение в банях. В отличие от фригидария – холодного.

до толщины войлока, то делаясь редким до прозрачности, обрывки же нитей и узлы торчали во все стороны.

– Чем это ты тут занята? – спросил Кука, расплываясь в довольной улыбке: оказывается, игрунья его – ну просто образец древнеримской добродетели, из тех, о которых в эпитафиях пишут как высшее достижение: она пряла шерсть. – Коврик для новой собачки делаешь?

Концовка этой сцены выглядела еще более неожиданно, нежели ее начало. Матрона прям-таки взвилась из-за ткацкого станка пантерой, завизжала так, что Кука присел от неожиданности, и запустила в него первым попавшимся. Попалась роскошная греческая ваза. Которую Кука, на счастье, умудрился поймать. Потом в него летели другие предметы – веретено, уток, детали ткацкого станка, ключья так и не обретшей своего места в полотне шерсти и само это полотно. Которое (это выяснилось, когда скандал улегся) на самом деле было вовсе не собачьим ковриком, а новой туникой для преторианца. То есть для него, Куки. Матрона планировала в календы января³⁶ преподнести милому такой вот сработанный собственными руками подарок.

Несмотря на скандал и вопли Кука был тронут до глубины души. Ну надо же – милонька, зайнышка пребывает вся в заботах о нем. В итоге по-своему преторианец даже привязался к этой красотке. Все мы обречены на привязанности. Вот Тиресий – он в своем даке-найденныше души не чаёт, отпустил на свободу и относится к мальчишке как к родному сыну. Малыш – тот прикован к своим машинам – кажется, живых существ так не любит, как какую-нибудь новенькую баллисту на полталанта. И чем чуднее машина, тем любимее. Фламма? Тот обожает книги. В этой библиотеке Приска, где сейчас валяется на складной кровати Кука, чуть ли не все книги – Фламмы. А Приск? Ну тот вообще любвеобилен – и жена, и детки, и мозаичная мастерская, и рисунки для этой мастерской, и каждая новая мозаика, исполненная по этому рисунку.

Адриан? Тот привязан к империи – к каждой ее части, каждой провинции и каждому городу, каждой почтовой станции и бесчисленным дорогам, к каждому легиону, к широкому серому, как клинок гладиуса, Данубию, к синему, как дорогая бирюза, озеру Ларий, к виноградным морям и снежным вершинам Альп, к серебристым лавровым роцам и траурно-черным кипарисам. А Рим – всего лишь одна из жемчужин в сокровищнице имперских городов. За эту сокровищницу Адриан перегрызет любому горло и вырвет сердце...

Кука и сам не заметил, как заснул. Приснилось ему давнее – дакийские горы, тяжкий подъем по опасной дороге к перевалу. Так шел Кука вместе с Адрианом и Приском через Боуты по узкой обходной тропе. Вот и сейчас во сне и Адриан, и Приск карабкались впереди.

Приск вдруг обернулся, глянул недобро и сказал:

– Если Адриан сорвется в пропасть, мы упадем вниз.

Кука шагнул к краю и увидел, что под ногой – отвесная скала, и внизу, очень далеко внизу, – осыпь бритвенно острых камней. А по дну ущелья в полумраке пробирался мелкий ручеек. Камень выскользнул из-под калиги и полетел вниз. Бесшумно летел. Долго. И никак не мог достичь дна. И не было в этом мире ни звука, ни движения. Не колебалась листва, не касался кожи ветерок. Полная тишина и неподвижность. И охватил Куку такой ужас, показалось ему, что он уже умер, и узкий ручеек внизу – на самом деле обещанный каждому Стикс. И при этом знал Кука, что видит всего лишь сон, но ужас от этого не становился меньше.

Спал он вроде бы крепко. Но слабый шум... едва слышный шорох – не снаружи, а внутри комнаты – заставил его вскочить. В следующий миг его руки сплелись с руками какого-то здоровяка, как понял Кука в следующий миг, выше него на целую голову. Нож, зажатый в пальцах незванного гостя, метил острием в шею преторианца.

³⁶ Календы января – первое января, день вступления в должность новых консулов, Новый год, день, когда дарили подарки.

Кука был не слаб – да и служба в легионе сил прибавила. Но с этим неведомо как проникшим в дом – сразу понял – не сладить. Понял это так отчетливо, как будто прочел на невидимом свитке свою Судьбу. Нет, он не сдался, он сопротивлялся яростно, до разрыва жил, до треска в костях, но ни на палец не сдвинул напавшего. Попытался перебороть, опрокинуть. Куда там! Парень стоял скалой. А острие все приближалось и приближалось к шее. Вот оно коснулось кожи...

Кука сделал последнее отчаянное усилие, и... человек вдруг дрогнул, ослабил хватку и начал оседать. В следующий миг пальцы убийцы разжались, и Кука отпрянул, еще не веря подобному чуду.

А парень рухнул подрубленным деревом. И тогда Кука разглядел, что за спиной павшего стоит Тиресий. Кука не видел старого товарища уже несколько лет – три года? Четыре? И вдруг возник неведомо откуда в тот миг, когда преторианец уже прощался с жизнью.

– Ты? – изумился Кука при виде Тиресия и несколько раз сильно фыркнул, будто застоявшийся в стойле жеребец. – Ты же там, на лимесе... Или уже получил письмо?

– Какое письмо? – спросил прибывший, переступая через массивное тело, – в спине убитого как раз под лопаткой торчал вогнанный по самую рукоять кинжал.

– Ты вовремя... – Кука плюхнулся на кровать. Тело ныло – каждым мускулом, каждой косточкой.

Тиресий деловито огляделся и сказал:

– Нужна какая-нибудь тряпка – если выну кинжал, то здесь все кровью залью... так о каком письме ты говорил?

– О том, что Приск отправил тебе вчера, – пробормотал Кука, сам уже понимая, что говорит чепуху.

– Нет, конечно, я ничего не получал. Да и как, если письмо отправлено вчера? Право, такое под силу только богам.

– Тогда почему ты здесь?

– Я же предсказатель.

– И ты... ты видел? Ну там... в своих снах... Мне грозит опасность?

– Вам всем – тебе, Приску, Кориолле, Фламме...

Тиресий наклонился над убитым, попробовал перевернуть, но тут же оставил попытку.

– Ну и здоровый... Настоящий кабан.

– Точно... – поддакнул Кука. – А что с телом будем делать?

– Ночью бросим в каком-нибудь переулке. Главное – не попасться в лапы вигилам.

Тиресий вышел, но вскоре вернулся, и не один, а с парнем лет шестнадцати, светловолосым, круглолицым и голубоглазым. Остриженный на римский манер, мальчишка и одет был как римлянин. С кухни он принес какую-то ветошь, Тиресий вытащил кинжал и тут же заткнул рану тряпьем, как пробкой, – чтобы кровь осталась внутри тела и не испятнала пол. Потом оттащил труп в угол и накрыл принесенной с кухни мешковиной. Впечатление было такое, что Тиресий всю жизнь промышлял наемным убийцей. Да, предсказатель ничуть не изменился. Разве чуть посмуглел, погрубел лицом.

– На кухне мне сказали, что привезут ночью дрова для очага, – стал развивать свой план Тиресий. – Их выгрузят, мы закинем труп в повозку, но из Города вывозить не станем – бросим где-нибудь в тупике. Пославший этого человека не станет заявлять префекту вигилов, что отправил убийцу в наш дом.

– Хорошо бы тогда узнать, кто его послал, – заметил Кука, искоса поглядывая на накрытое мешковиной тело.

Тиресий вернулся к трупу, приподнял мешковину.

– Гладиатор... – сказал, не задумываясь. – Шрамы на руках не от меча, а от трезубца. Здоровяк, к тому же упитанный – чтобы жир защищал на манер доспехов от рубящих ударов.

Туника, однако, дорогая, скорее всего – уже вольный, подавшийся на службу к какому-нибудь богачу.

– К какому?

– Понятия не имею. Ошейника нет. На поясе кошель с несколькими монетами – и все.

По лицу, разрезу глаз, смуглой коже – он откуда-то с Востока.

– А тебе прозрения на этот счет не было?

– Прозрение было одно: вас убить хотят. Ну а теперь расскажи, в чем дело.

Тиресий налил в бокал Куки разбавленного вина и сам же выпил, после чего уселся в хозяйское кресло. Кука же просто глотнул из кувшина.

– Тит, – обратился Тиресий к мальчишке, – скажи на кухне, чтобы нам принесли еще вина и что-нибудь закусить. И попроси госпожу приготовить комнату – не собираюсь ночевать в гостинице. Впрочем, ты можешь лечь в перистиле – да и я тоже – если найдется еще одна походная кровать.

Тит ушел, а Кука принялся излагать (шепотом, очень-очень тихо) историю похищения завещания.

Договорить они не успели – потому что на пороге возник Либан, нерадивый раб Фламмы. В первый момент Кука решил, что его прислал хозяин. Но тут же по перекошенной роже понял: если Фламма его и послал, то по делу совершенно отчаянному.

– Спасите... – проблеял Либан и грохнулся на колени.

– В чем дело? – Тиресий поднялся.

Кука махнул Либану рукой: мол, говори, не бойся.

– К хозяину кто-то забрался и все перерыл. Всю комнату. Замок на сундуке сломал и бумаги выгреб.

– Мало ли ворья в Городе! – с облегчением вздохнул Кука. – Привратника спроси, кого пропустил наверх. Да и дверь надо иметь попрочнее.

– Привратника уже не спросишь... – застонал Либан. – Привратника зарезали.

– А Фламма где?!

– Здесь уже, на кухне сидит. Госпожа его вином потчует. А меня прогнала... – заканючил Либан. – Господин твердит, что, приди он домой чуть раньше, его бы тоже того... уколошили.

– Ну так ступай к хозяину – может, ему что надо! – приказал Кука. И как только Либан вышел, пояснил: – Свиток искали, не иначе. Но, сам понимаешь, ничегошеньки не нашли.

– А когда не нашли, явились сюда. Ставлю золотой аурей, что привратника зарезал наш гладиатор. – Тиресий кивнул в угол, где лежало тело. На всякий случай потянул носом, не воняет ли. Сморщился: уже малость попахивало. – Как посмотрю, вы, ребята, совсем с ума сошли здесь в Риме. Украсть завещание императора. Вы хоть подумали, что с вами будет?

– Так пергамент Фламма притащил сюда, к Приску. Что ж нам, выкинуть его надо было?

– Фламму я бы точно выкинул. Вместе с пергаментом. Кто поручится, что убийцы не явятся снова? А где сейчас Гай? – Тиресий глянул на преторианца так, будто вел допрос.

– Ушел к Декстру – договариваться об отъезде – старина Гай берет сына Афрания с собой в легион. Ну и выяснять заодно, что известно Декстру.

– Выяснить что-то у Декстра? – переспросил Тиресий ледяным тоном. – Выяснить у центуриона фрументариев?

– Ну да... – Кука невольно поежился.

– Когда ушел Приск?

– Да порядочно. Часу в пятом дня³⁷.

– И до сих пор не вернулся?

³⁷ Дневные часы считались от рассвета. То есть где-то около одиннадцати. Часы в перистиле, о которых говорится ниже, солнечные.

Не нужно было глядеть на устроенные в перистиле часы, чтобы узнать время, – солнце клонилось к закату.

– Надеюсь, ему хватит ловкости выпутаться... – прошептал Тиресий.

Договорить он не успел, Фламма ворвался в библиотеку с радостным воплем и кинулся на шею старому товарищу:

– Тирс, дружище! Ну наконец-то я чувствую себя в безопасности.

– Зря, – покачал головой Тиресий. – Я бы на твоём месте этого не делал.

Глава IV ДРАГОЦЕННЫЙ ПАВСАНИЙ

Лето 866 года от основания Рима

Рим

Выйдя от Декстра, Приск не пошел домой, а поискал глазами подходящее место для наблюдений и заметил небольшую таверну. Взяв лепешку с сыром и чашу вина, он уселся на скамью в тени портика близ таверны и стал ждать.

Вход в дом Декстра был как на ладони. Приск не сомневался, что после его ухода Декстр пошлет кого-нибудь с сообщением. Весь вопрос – к кому направится гонец. Возможно, к таинственной Элии, сообщнице и союзнице Адриана. Может быть, к тому, чье имя Приск назвал мимоходом в разговоре. Декстр – почти наверняка фрументарий посвящен – вполне мог решить, что завещание императора сейчас в руках у поддельщика текстов Павсания.

За самим Декстром Приск даже не думал следить – тот бы сразу почуял неладное и мог сотворить все что угодно – даже убить. Но за обычным посланцем не так трудно незаметно увязаться следом. К тому же у хозяина таверны Приск купил за несколько сестерциев старый-престарый плащ и сумку. Сняв свой – новенький и ярко окрашенный, – плотно его свернул и засунул в кожаную сумку, в каких обычно легионеры носят свое добро на палке-фастигате.

Приск не ошибся – через полчаса дом Декстра покинул молодой вольноотпущенник в ярко-синем плаще. Помнится, этот парнишка поджидал в атриум, пока гость беседовал с Декстром. Отлично!.. А вот чего не ожидал Приск, так это того, что парень перейдет улицу и окажется практически рядом с ним. По одежде уже не узнает – но по лицу... Приск ничего лучше не придумал, как сделать пару шагов в сторону и повернуться лицом к эдикулу – квадратной нише в стене, где установлен был выкрашенный киноварью фаллос. Приск коснулся его рукой и принялся шептать пожелания на день... Вообще-то обряд надобно проводить утром, чтобы день задался. Но кто знает – быть может, ободранец-гуляка только что выполз на улицу из своей норы. Во всяком случае, посланец Декстра ничего подозрительного не заметил, лишь буркнул: «Мне бы так рано вставать» – и, пройдя мимо, бодро зашагал по улице. В следующий миг Приск уже следовал за ним.

Один раз на перекрестке он чуть не упустил парня. Но ярко-синий плащ вскоре вновь вынырнул в толпе, и Приск устремился следом. Уже было ясно, что направляется парень в Субуру. Клонящееся к закату солнце за день так раскалило улицы, что все идущие обливались потом и тяжело дышали, даже струи в фонтанах звенели лениво. Сейчас бы не по улицам бегать, а возлежать в бассейне в термах Траяна – желательно подле какой-нибудь милой красотки. Или, вынырнув из воды, обернувшись тканью, расположиться в библиотеке со свитком эпиграмм или...

Стоп!

Посланец Декстра остановился перед четырехэтажным домом. Половину первого этажа занимала лавочка, где торговали чистыми пергаментами и папирусами, стилами, чернильницами, пемзой – одним словом, всем потребным для писцов и библиотекарей, издателей книг и юристов, составляющих завещания. Посланец зашел в лавку всего на несколько мгновений.

После чего вышел и двинулся назад неспешно. Ясно было, что он передал какое-то послание – и только. Приск, недолго думая, переждал, пока парень скроется, и заглянул в лавку.

Внутри никого не было, но стоило посетителю протянуть руку к инкрустированной серебром чернильнице, как дверь, ведущая во внутренние комнаты, распахнулась, и в лавку вкатился низкорослый рыжий парень в грязной застиранной тунике. Судя по всему – вольноотпущенник или раб, прислуживавший хозяину лавчонки.

– Чернила у нас самые лучшие, господин, без комков и не выцветают со временем, – торопливо пробормотал он, видя, что покупатель интересуется чернильницей. – А перья берите тростниковые. Мой господин Павсаний сам пользуется только тростниковыми. А уж он самый лучший в Риме писец.

– Возьму-ка эту чернильницу, – сказал Приск. – И добавь десять тростниковых перьев и пузырек чернил. Сколько всего?

Раб принялся шевелить губами, подсчитывая сумму.

Приск, не дождавшись, когда тот выдаст результат, положил перед ним аурей.

– Я, господин, не наберу сдачи.

– И не надо. Просто позволь мне войти и повидаться с твоим господином.

– Повидаться? Но... – Коротышка облизнул губы, косясь на золотой. – Он в таблиннии... я схожу... – Раб спешно спрятал аурей куда-то в глубину своих лохмотьев.

– Стой здесь – я сам найду хозяина! – приказал Приск не терпящим возражений тоном. – А то лавку обворуют, пока ты бегаешь с поручениями.

– Я тогда постучу, чтоб открыли...

Рыжий постучал условным стуком – три редких и два частых удара – и отступил в угол. Ясно было, что он нарушил данное ему строгое указание. Но золотой сумел убедить мгновенно.

Кто-то внутри отодвинул засов.

* * *

Раб не обманул – господин Павсаний – наверняка имя лживое, три-четыре, а то и больше раз сменное, – сидел в таблиннии за столом и пемзой выскабливал на пергаменте кусочки текста, чтобы потом вписать новые строки. Искусство состояло в том, чтобы снять очень тонкий слой так, чтобы прежний текст исчез, но при этом разницы в толщине пергамента и качестве полировки никто не заметил.

Павсаний так увлекся работой, что не сразу поднял голову. А Приск не торопился – наблюдал. Полный немолодой человек. Скорее всего – грек. То есть наверняка грек. Волосы курчавые, всклокоченные, с сединой, нос набрякшей сливой, сочные полные губы, неровно подстриженная почти совсем седая борода. Возможно, по праздникам он одевался иначе – но сейчас на нем была заляпанная чернилами туника. Приск почему-то подумал, что человек этот занимается столь опасным делом из любви к самому процессу. Наверняка, переписывая завещание, он воображал себя каким-нибудь Кокцеєм или Клавдием, награждающим слуг и детей, лишаящим миллионов тех, кто мало льстил и пресмыкался.

Печать на свитке, который «подправлял» грек, была сломана. Но, судя по всему, это не слишком печалило Павсания.

Заслышав шаги, хозяин поднял глаза...

– Пес! – только и выкрикнул он.

Приск отпрянул – выучка остается с легионером до смерти. Метнувшийся из угла здоровяк промахнулся и проскочил мимо. Бывший центурион еще и добавил в спину – так что парень впечатался в стену, как выпущенный из баллисты снаряд, и тут же опрокинулся на спину – нос и рот его мгновенно окрасились кровью.

– Не стоит так пугаться, – сказал Приск миролюбиво, однако при этом наступая тяжелым башмаком на грудь поверженного охранника. – Один совсем маленький вопрос, Павсаний. Ты ответишь – я уйду...

– Ты от кого? – спросил грек.

– Афраний Декстр рекомендовал.

«Убьет, точно убьет меня Декстр... – пронеслось в голове. – Задушит, а потом отрежет голову...»

Хмельное веселье струилось по жилам – будто не кровь там текла, а вино.

– Так бы и сказал, а не калечил моих людей, – вздохнул Павсаний. – Отпусти Геркулеса, вояка...

«Слабоват оказался Геркулес», – подумал Приск, но ногу с груди поверженного раба убрал.

Тот поднялся, отирая кровь и поглядывая на гостя без особой приязни.

– Пшел вон... – мотнул головой Павсаний, и раб испарился из табличия. Приск задвинул за ним засов – так надежнее. – Этот парень – немой. То есть без языка. Но все равно о делах при нем не говорю.

– Мудро.

– Здесь тебе не Дакия, вояка. Кем служил? Трибуном? Давно?

– Не очень...

– Что у тебя за дело? – спросил Павсаний. – Дядюшка не оставил завещания? Или папаша пригрел на груди юного любовничка и отписал тому поместье? Давай сюда пергамент, посмотрим, что можно сделать...

Для поддельщика завещаний Павсаний был слишком любопытен. Возможно, в этом тоже была особая сладость – знать всю подноготную заказчиков. Но все равно – задавать такие вопросы! Этот парень просто ходит по лезвию ножа.

– К тебе не так давно приходила богатая матрона по имени Элия...

– Я не спрашиваю имен, – оборвал хозяин. – Просто пишу то, что меня просят, и беру деньги.

«Но чье имя вписать, тебе говорят...» – хотел уточнить Приск, но решил этого не делать.

– Излагай свое дело или уходи!

– Скажем так, – продолжал Приск ровным голосом, как будто и не заметил, что его прервали. – Богатая матрона не сделала заказ, лишь предупредила, что таковой вскоре будет. Очень важный. Очень дорогой, очень опасный заказ...

Грек побелел. Из-за смуглой кожи он сделался грязносерым, губы затряслись.

– К-кто тебя послал? – выговорил он, запинаясь. – Уж точно не Декстр.

– Но тот, кто должен был выкрасть подлинное завещание, погиб. Вот беда! Сам пергамент исчез. А с тебя требуют немедленно подделку.

Прежде чем грек успел что-то предпринять, Приск протянул руку, схватил лежащие на столе таблички, сломал печать (Декстра печать, безумец!) и прочел:

– «Сегодня придут за готовым пергаментом. Афраний Декстр».

Более ничего в записке не было. Приск молча швырнул раскрытые таблички на стол, и Павсаний тоже прочел записку. Побелел еще больше. Точнее – позеленел даже.

– Но у тебя нет никакого завещания, – Приск, казалось, наслаждался ледяным ужасом хозяина. – Ни настоящего, ни поддельного. Тебе его не принесли. Так ведь? Отвечай – я друг и хочу помочь.

– П-почему... – выдохнул грек. Он схватил со стола кубок, плеснул в него неразбавленного вина из кувшина, выпил залпом и только потом с трудом выдохнул: – Почему я должен тебе верить?

– Потому что я видел убитого собственными глазами. Он успел рассказать мне очень многое. Но не все...

«Убьет... точно убьет меня Декстр».

Приска охватил странный хмель. Какая-то неведомая сила толкала его вперед, и он не мог остановиться.

– Ч-что тебе надо? – Старого грека трясло крупной дрожью.

Поддельщик отлично знал, чье именно завещание он согласился «исправить». Ему наверняка обещали строгое сохранение тайны в придачу к баснословной сумме. Однако тайну трудно сохранить, коли в нее посвящено слишком много народу.

– Я не стану спрашивать, кто просил тебя о подделке. Вопрос в другом – в чью пользу ты должен был написать завещание.

Приск уперся кулаками в стол, нависая над греком. Но тот еще пытался сопротивляться:

– Я... я ничего не скажу.

– Тогда я скажу вместо тебя. Ты должен был написать завещание в пользу Адриана. Так?

Грек помедлил и неуверенно кивнул. Громко клацнули зубы.

– Отлично. И заказала тебе подправить пергамент Элия, а забрать его должен был Декстр.

А теперь ответь: не пытался ли кто-то еще разузнать у тебя об этом деле.

– П-п-пытался, – проблеял грек.

– И кто же?

– Ты! – выпалил Павсаний и невольно втянул голову в плечи, видимо изумившись собственной ярости.

– Не смешно. Кроме меня.

– Нет. Никто! Оставь меня, вояка... Что тебе надо? – Теперь он скулил по-собачьи, с губ стекала слюна.

– Больше ничего.

Павсаний сделал слабую попытку ускользнуть под стол, но Приск ухватил его за плечо:

– Я сейчас уйду. Кстати... – Приск подтолкнул в сторону Павсания таблички с письмом бывшего фрументария. – Декстр не поверит, что ты не получил от Паука завещание. Решит – ты продал пергамент кому-то еще. Я бы на твоём месте исчез.

– Что? Да кто ты такой?

– Исчезни, – посоветовал Приск и вышел.

* * *

В этот раз Приск даже не стал прятаться в таверне – он просто перешел улицу и встал возле лавки пекаря в тени портиков. Пекарь еще утром продал свой товар, и сейчас лавка была закрыта, деревянные ставни заперты. Ближе к вечеру здесь толклись сомнительного вида личности – тетка с выкрашенными в ярко-рыжий свет волосами и кривой мужик со зверской рожей. Если бы не свет масляной лампы, что висела у входа в соседнее помещение, то сделалось бы совсем темно. Приск не сомневался, что лампа горит у входа в лупанарий. Тетка с рыжими волосами и кривой парень по очереди предложили Приску одну и ту же девку. Товар весьма залежалый – выглянувшая наружу шлюшка в одной коротенькой тунике имела вид самый паскудный.

Приск сказал, что ждет здесь свою красотку, с которой уже сговорился, и продавцы живого товара неохотно отвалили. Тем более что появилась новая цель – какой-то юнец, закутанный в толстый плащ.

С наступлением темноты Город не делался тише или покойнее.

Пока бедняки укладывались спать в тупиках-переулках прямо на мостовой или обосновывались в портиках, а счастливицы – за занавесом опустевшего театра, люди побогаче запол-

няли харчевни. Здесь до рассвета резались в кости, попивая вино и обсуждая за игрой достоинства возниц и лошадей, гладиаторов и их оружия. Кое-кто из прохожих кидал косые взгляды на Приска, но грязный истрепанный плащ гасил хищные огоньки в их глазах.

Наконец Павсаний возник на пороге своей лавки. Подгоняя помощников – рыжего коротышку и неповоротливого Геркулеса, – он проследил, чтобы лавку заперли на ночь, после чего Геркулес взвалил на плечи здоровенный мешок, рыжий – котомку поменьше, Павсаний закутался в плащ, и троица зашагала по улице. При этом рыжий запалил свечу в фонаре. Вечер был душный, в который раз Приск мечтательно подумал о термах, в которые он сегодня опоздал.

Гай поначалу решил, что троица спешит к воротам, чтобы покинуть Рим незаметно в той уличной кутерьме, которая всегда воцаряется на закате, когда начинают прибывать торговцы, – с наступлением первого ночного часа им дозволялось въезжать в Город на повозках.

Но нет.

Геркулес, направляемый Павсанием, свернул раз, другой, третий, и преследователь понял, что троица постоянно путает следы. Скорее всего, у поддельщика завещаний имелась какая-то тайная нора в Риме, и туда он сейчас устремился.

Приск двигался следом, испытывая странный азарт – стремление охотника загнать дичь, одолеть, победить... Победить! Вот чего не хватало все эти годы – ощущения схватки. Он соскучился по опасности, как другие скучают по дикой и вздорной подруге.

На перекрестке Геркулес остановился у фонтана и принялся жадно пить. Его примеру последовал рыжий, а затем и сам хозяин, уставший кричать на бестолковых рабов, подставил ладонь под струю чистой прохладной воды ³⁸.

В этот момент и выкатилась на перекресток повозка. Небольшая деревянная, запряженная парой крепеньких мулов, она резво подкатила к фонтану. Из повозки выскочили двое. Первый огрел палкой Геркулеса по башке, второй, обхватив Павсания сзади за шею, поволок к черному зеву в деревянном коробе. Рыжий коротышка взвизгнул, отшвырнул мешок и кинулся бежать... Похитители всё рассчитали верно. Кроме одного. Что рядом окажется бывший центурион. Как только повозка вкатилась на перекресток, Приск понял – дело неладно. Он рванулся к Павсанию со всех ног. Опоздал на какой-то миг... Геркулес уже валялся, оглушенный, в чаше фонтана, когда Приск, проскочив мимо него, сумел ударить того парня, что волок к повозке Павсания. Но похититель только охнул и слегка присел. При этом, правда, выпустил добычу, зато обнажил клинок. Грек, полузадушенный, осел на мостовую, да так и остался стоять на четвереньках. Приск тоже выхватил меч – первый удар парировал без труда. Второй – с трудом. Теперь уже парень, оглушивший Геркулеса, попытался сгрести Павсания в охапку, но грек каким-то чудом вырвался и, видимо совершенно потеряв представление, что с ним и где он, полез зачем-то под повозку. В этот момент раненый Приском похититель закричал, мулы дернули колымагу, и колесо наехало греку на шею. Спина могла бы выдержать тяжесть широкого колеса, но шея – нет. Приск отчетливо расслышал, как хрустнули позвонки.

В следующий миг раненый похититель отскочил назад и ринулся к повозке. Второй оказался проворнее, взобравшись наверх, он принялся нахлестывать мулов, разворачивая колымагу. Раненый удирал не так споро, и Приск его настиг. Попытался схватить и едва не напоролся на жало клинка. Тогда сам ударил мечом по руке. Парень завизжал. Еще один удар ногой в бок – пленник Приску был нужен живым.

В этот момент Геркулес наконец очухался, поднялся и, ничего не соображая – или соображая очень плохо, – пошел на Приска. К тому моменту, когда Геркулес вновь очутился в фонтане, и повозка, и оба похитителя исчезли. На мостовой осталось лишь изувеченное тело грека и подле него – брошенный рыжим мешок. Приск поднял мешок и зашагал в ближайший пере-

³⁸ В отличие от современных фонтанов, где вода проходит замкнутый цикл, в римские фонтаны подавалась чистая вода из акведуков.

улок – встречаться с ночной стражей и объяснять, кто убил Павсания и как бывший центурион очутился рядом, не было никакой охоты.

Посему он не видел, как за повозкой увязался следом человек в темном толстом плаще.

Глава V ДЕКСТР

Лето 866 года от основания Рима

Рим

Приск вернулся домой злой как Орк ³⁹.

Все труды этого дня пошли прахом – пусть он и узнал, что таинственная матрона действовала в пользу Адриана, но след, ведущий ко второму похитителю, был утерян окончательно.

Дом встретил хозяина разором, суетой и шумом. Слуги упаковали большую часть вещей отъезжающей Кориоллы в сундуки, и дом выглядел так, будто в нем побывали грабители. Или победившая армия. Что практически одно и то же.

Привратник, открывая дверь припозднившемуся хозяину, сообщил:

– У нас гости.

– Кука?

Прим хмыкнул:

– И этот тоже. А еще – Тиресий.

Приску в первый момент показалось, что он ослышался.

– Тиресий? Но ему же только вчера... Впрочем, неважно.

– Гай, старина, где ты шлялся! – завопил Кука, выскакивая в атрий и обнимая старого товарища. – Я уж думал, тебя прибили где-нибудь в переулке. Мы с Тирсом заготовили факелы и собрались идти тебя искать. А ты взял и сам явился! Молодчага!

– Совсем не молодчага, – буркнул Приск. – Наоборот. Сунулся куда не надо. Боюсь, нас всех прикончат еще до утра.

– Значит, так! – Кука обхватил старого товарища за плечи и повел в библиотеку. – Незачем паниковать. Живо говори, что ты вызнал.

– Немногое... Нить опять оборвалась.

Рассказать ничего Приск не успел – послышался отчаянный вопль Прима, затем лай Борисфена, перешедший в обиженный визг.

Друзья кинулись в атрий.

Посреди помещения стоял Декстр. Прим еще не успел запереть дверь за вошедшим хозяином, так что штурм был кратким и успешным. Хотя не сказать что бескровным, – Прим в углу атрия утирал расквашенный нос, а подле его ног, поскуливая, жался Борисфен.

Белые сумасшедшие глаза Декстра смотрели с такой яростью, что у Куки разом отнялся язык.

– Ага, Тиресий, Кука... славный контуберний в сборе... – пробормотал Декстр свистящим шепотом. – Ну и кто из вас убил Павсания? А?

– Не знаю, – заявил Приск. – Его пытались похитить, я помешал, но несчастному сломали шею.

– Кто сломал?

– Греку не повезло – угодил под колесо повозки.

– Та-ак... Иногда Фортуна бьет дураков очень страшно. Где можно поговорить? – спросил Декстр.

³⁹ Орк – согласно римской мифологии – чудовище подземного мира, пожирающее тела умерших. Отсюда выражения – сильный как Орк, злой как Орк.

– В библиотеке.

– Идем. Все за мной. – Декстр повернулся к Приму: – А ты, лентяй, живо запри дверь и никому не открывай, кто бы ни стучал – назовись он хоть самим императором. Понял?

Прим молча кивнул и выразительно шмыгнул носом. Борисфен осторожно гавкнул.

Когда Приск и его друзья вошли в библиотеку вместе с Декстром и заперли дверь, фрументарий наморщился:

– Что за вонь? У вас тут собака сдохла?

– Человеческий труп. Разлагается, – объяснил Кука. – Ждем вечера, чтобы выбросить.

– Ясно. Завещание здесь?

Приск помедлил, переглянулся с Кукой и кивнул.

– Исправленное в пользу Адриана?

– Нет, – признался Приск. Нельзя сказать, чтобы это «нет» далось ему легко.

Декстр стиснул зубы и несколько мгновений стоял неподвижно. Воцарилась такая тишина, что никто, казалось, не дышал. Друзей было четверо, Декстр – один, но это ничего не значило. Кука попытался отыскать на поясе рукоять кинжала, но пальцы почему-то ухватили пустоту, хотя мгновение назад кинжал был под рукой.

– Вас в самом деле стоило всех прикончить, – озвучил их страхи Декстр.

Он опустился в плетеное кресло. Остальные продолжали стоять.

– За что? – постарался как можно тверже спросить Приск.

– За проваленное дело. Объяснить? Изволь. Ты, Приск, как дурак, пустил меня по ложному следу, вместо того чтобы прийти и все рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.